

Анатолий
БАТОВ

Перевозчик

ПОВЕСТЬ

Анатолий Батов
Перевозчик

«Алгоритм»

2011

УДК 82-312.9
ББК 84

Батов А. Ф.

Перевозчик / А. Ф. Батов — «Алгоритм», 2011

ISBN 978-5-4320-0063-7

В отличие от большинства утопий, в которых прекрасодушные авторы рисуют человечество планетарным, консолидированным на добрых началах, едва ли не безупречным социумом, антиутописты, чей пик всеобщей популярности приходится именно на наше время, настаивают, в сущности, на вечном, неискоренимом балансе зла и добра. С приоритетом первого, «естественно». «Города Солнца не будет, – как бы говорят они, – мир так и лежит во зле и ничего с этим не поделает. Так повелось со времен первочеловека и пребудет во веки веков». Меняются эпохи, социально-политические, как говорили раньше, формации, глобальные идеологии и методологии. Даже взгляды на извечные истины (например, «содомия – это плохо») претерпевают невероятные метаморфозы. И только мера заложенной в природе человека дисгармонии остается неизменной. Антиутопист «новой волны» Анатолий Батов весьма смело, с помощью собственного литературно-художественного инструментария исследует эту перманентную, бесконечно далекую от совершенства природу. Читатели же, ознакомившись с результатами этих исследований, в большинстве своем будут Батову наверняка благодарны.

УДК 82-312.9

ББК 84

ISBN 978-5-4320-0063-7

© Батов А. Ф., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Перевозчик

Анатолий Батов

© Батов А.Ф., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

* * *

У вас в руках фантастическая повесть на социальную тему. Человек оказывается в цивилизации, на несколько веков опередившей нашу, в обществе победившей глобализации. Думающий читатель уже сейчас сможет разглядеть на планете Земля зачатки многих явлений, описанных в этой антиутопии.

Общеизвестно, что глобализация – это не только экономика. Среди политиков и населения России, да и других стран, есть разные мнения относительно нее. Одни с упоением говорят о преимуществах, а многие выходят на улицы и протестуют. Наверное, в ней есть и то и другое. Главное – что перевесит. Россия снова стоит перед выбором: что-то принять, а чему-то, может быть, поставить заслон. Автор согласен, в глобализации есть и позитив, но, несколько не навязывая свою точку зрения, он постарался сконцентрировать внимание читателя на негативных моментах. А что нужнее русскому человеку, решать самому читателю.

В последние пару десятилетий у нас в стране произошли большие изменения. Как-то неожиданно многие газеты и журналы по-новому и только негативно начали трактовать всю нашу прошлую жизнь; да и на экранах телевизоров мелькают только те, кто имеет такую точку зрения и ставит в пример жизнь на Западе. Короче, наступил полный плюрализм (ими же введенное в обиход слово).

Но кто же управляет жизнью на Западе, кто же находится там во власти, кто они, эти мэры, пэры и сэры? Что за люди эти цивилизаторы – глобализаторы и общечеловеки, к которым нас призывают приобщиться? Присмотримся к ним. Многие из них даже не скрывают свою, так сказать, нетрадиционность, а другие, если еще и стесняются, то уже потенциально готовы принять ее как закон и необходимость.

Жил когда-то очень талантливый психоаналитик еврей Фрейд (1856–1939), в своих исследованиях он предостерегал мир, что многое в его развитии зависит от гомосекса, от стремления гомосексуалистов к власти, от их предрасположенности к вырождению и склонности к деградации. Об этом же в своих трудах писали и другие еврейские выдающиеся профессора психиатрии, например Ломброзо (1835–1909) или Нордау (1849–1923). Надо заметить, что многие евреи – талантливые мыслители, и если внимательней и почаще прислушиваться к их предупреждениям, стало бы понятней, куда могут завести нас эти «водители», эти общечеловеки.

Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон.

Он действует пред ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ей поклоняться первому зверю...

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Евангелие. Откровение св. Иоанна Богослова, глава XIII, 2, 11–12, 18

Часть первая

1

В 2004 году случилось мне отдыхать в Подмоскowie. Была середина января, начало года, на работе не знали, чем занять людей, и мне предложили взять недельку-другую в счет отпуска. А работал я на пока еще не совсем развалившемся госпредприятии инженером. Зашел в местком, как раз там оказалась горящая путевка. Недолго думая, написал заявление и уже на следующий день, сев в электричку, к обеду прибыл к означенной в путевке станции.

Выйдя из автобуса, который в дни заездов доставлял отдыхающих от станции, люди, годами не вылезавшие из серого, задушенного газами и дымом города, изумленно глазели на открывшуюся за вывеской «Добро пожаловать», висевшей над воротами из железных прутьев, панораму.

Пансионат находился в сосновом лесу, и на фоне сосен и елей, покрытых изумительно белым снегом, через полянку, также отливающую белизной, метрах в семидесяти, красовался заново отреставрированный особняк, очевидно старинного имения. Не портили вида и несколько новых небольших хозяйственных построек. Было безветренно и непривычно тихо. Восхитительное чувство умиротворения хлынуло в суетливые души горожан. «Бывает же такое!» – подумал каждый.

Наше любование природой прервала дежурная. Выйдя на крыльцо сторожки, она указала, куда пройти для регистрации.

Опускаю не нужный читателю процесс обустройства, надеюсь, правильно делаю, хочу быстрее подойти к встрече с очень интересным человеком; из чего, собственно, я и взял в руки перо: больно поучительный случай для людей. Народ подобрался разный: были и малого, и среднего достатка и даже пять или семь пенсионеров. Но как бывает в таких случаях, всех объединяло обстоятельство людей, на время убежавших от повседневных забот. Поэтому чинов не соблюдалось, все быстро перезнакомились и разбились по интересам. Было и несколько семейных пар, но у них образовалась своя колония, и к нам, холостякам, они не касались.

Нужно сказать, режим в пансионате был довольно вольным, никаких притеснений отдыхающим не чинилось. После завтрака я с группой человек в десять брали напрокат лыжи и с удовольствием уходили на них за территорию. В километре от пансионата был глубочайший овраг с небольшими естественными трамплинчиками, а вокруг него проложена лыжня с дистанцией пять километров. И вот мы – кружок по трассе, а затем забавлялись на трамплинах, съезжая вниз.

В это время остальные – кто у телевизора, кто в шахматы и шашки, кто в домино, а кто и в картишки. Все это было в большой зале на втором этаже, где находились также два отличных бильярдных стола.

После обеда многие, на пару часов, шли по палатам отдыхать.

Но больше всего я любил время после ужина. Расходился по домам персонал, постепенно укладывались спать «жаворонки» – отдыхающие. Отбоя как такового не было, и отдыхающие-«совы», к числу которых относился и я, собирались в бильярдной. Она располагалась в углу второго этажа, палат рядом не было; мы никому не мешали, и никто не принуждал расходиться. До часу ночи работал буфет. Иногда самые упорные «совы» засиживались аж до утра. Кто расписывал пульку, кто смотрел сериал по «ящику», кто в шахматки-шашки-домино, кто на бильярде, да еще стоял стол для пинг-понга. Короче, снарядов было достаточно. На каждом играли по очереди – на вылет. В общем, под пиво усиленно занимались спортом. Одно-

временно травили анекдоты. Особенно преуспевал один «хохмач» – любитель домино, ставший всеобщим любимцем. Скажи, читатель, кто из вас не позавидовал такому отдыху? Здесь я обращаюсь, конечно, не к любителям кипров и турций, а к простым старым русским.

Незаметно прошла неделя. Однажды утром, когда мы шли свой традиционный пятикилометровый круг, нас дольно шустро обошел мужчина лет тридцати, может сорока. А позже, когда мы уже кувыркались на трамплинах, еще трижды просквозил мимо нас, причем в таком же резвом темпе.

– Во дает, – заметил я Виктору, приятелю, с которым сошелся ближе всех, – наверно, готовится к соревнованиям.

– Ошибаешься, – ответил Виктор, – это дядя Коля, местный лесник, у него тут недалеко избенка стоит.

Виктор уже третий год отдыхал в этом пансионате, поэтому я, не удивившись его осведомленности, спросил: «А почему ты его называешь дядя Коля, он же наших с тобой годов?». Он снисходительно улыбнулся и сказал: «Скорее, его нужно называть дед Коля, ему уже за семьдесят».

– Не может быть, – удивился я.

– Скоро ты его сам увидишь, – раз он объявился. У него большой участок, и иногда по несколько дней его не бывает дома. Заночевать есть где, на участке два поселка и несколько деревень. А в пансионат он частенько заходит поиграть на бильярде. И как играет – редкий шар не забьет.

И действительно, в этот же вечер, часов в десять, он появился. Мы с Виктором играли в шахматы, и наш столик стоял ближе к входу. Он узнал Виктора, поздоровался и с улыбкой сказал: «Ну ты прямо прописался здесь, который уже год приезжаешь?»

– Да всего лишь третий.

Протянул он руку и мне. Рука его оказалась прямо железной, чувствовалась силища невероятная, но пожатие совсем легонькое, какое-то аккуратное, так бывает, когда человек пытается взять пальцами что-нибудь нежное, легко разрушаемое, но боится его сломать или помять.

Теперь вблизи видно было, что ему не тридцать, но уж и никак не семьдесят. Его возраст был как-то трудно определяем. Если незнакомого человека попросить определить его возраст, он бы, подумав, сказал, что лет пятьдесят, и даже потом, взглядевшись, мог уточнить: «Или сорок пять».

На нем был поношенный спортивный костюм и темные кроссовки. Рост его примерно 175–176 см. Я легко это определил, так как он был одного роста со мной. Был он сух, подтянут, ни единого намека на живот, плечист. Волосы довольно густые, темно-русые, слегка подернутые сединой. Он прошел к бильярдному столу, поздоровался и спросил последнего.

А играл он действительно великолепно. Вот бывает, иной игрок с эффектным стуком о лузу вбивает прямого шара и тут же торжествующим взглядом обводит публику. Он же легких шаров вообще не бил, а предпочитал посложнее; играл для себя и совсем не старался привлекать внимания. А оно так и было – все занимались своим делом. Наверно, только я заинтересованно наблюдал его и удивлялся, как можно в семьдесят лет так сохранить себя.

Примерно половина двенадцатого по «ящику» по первой программе началась передача «охота на НЛО». Теперь у нас в моде смотреть всякие под грифом «Секретно», «отдел Х», «Очевидное невероятное» и прочее... Поэтому многие отвлеклись и переключили внимание на телевизор.

Рассматривались две противоположные гипотезы ученых. Одни считали, что НЛО существуют. Показывали фотографии ровных кругов на полях, оставленных якобы летающими тарелками. Рассказывали, как у летчиков, попытавшихся преследовать «тарелку», отказывали

приборы и как молниеносно они уходили от преследования. Ну и приводилось много других примеров.

Другая точка зрения, что это игра природы, то есть неизученные атмосферные явления. И тоже приводился ряд доказательств и аргументов в ее защиту.

У нас в зале тоже постепенно разгоралась дискуссия. В пользу последней гипотезы выступил наш балагур-доминошник. Громко отдуплившись, затем взяв конца, прокатил всех и тут же, со стуком сделав «рыбу», встал и авторитетно заявил, что все это фуфлю. Как же богат и емок язык просторечия! Одним словом, выражено целое направление в уфологии.

Нечаянно я посмотрел на дядю Колю. Он тоже прекратил играть и, медленно подойдя к окну, смотрел в пустоту. Лицо его поразило меня. Он смотрел вверх, на звездное небо, и видно было, что он был не здесь, с нами, а словно какие-то мысли унесли его куда-то далеко-далеко отсюда.

В это время дискуссия в зале разгоралась, спорили все жарче; очевидно, требовалась разрядка после умственных и физических напрягов. Аудитория разделилась на пессимистов, которых оказывалось больше, но были и верящие. Особенно яростно сцепились двое, наш доминошник и один шахматист, косивший под интеллектуала. Тьфу... ты... как же все-таки прилипчивы слова просторечия и жаргона, но зато часто очень точны! Этот горе-интеллектуал так и сыпал к месту и не к месту терминами, самому, похоже, непонятными, чем привел своего противника в некоторое изумление и даже замешательство, но не тут-то было, как говорится, не на того напал. «Битый час смотрим мы это, – воскликнул он, обращаясь уже ко всем, – и видим, все делается, чтобы напустить интересу к передаче и повесить вам лапшу, сами знаете куда. Нам говорят, что такой-то фермер видел близко... у такого-то летчика отказали... тормоза... а того вообще похищали... но он ничего не помнит. И выходит, что все это голословно. А показать фактического человека, непосредственным образом участвовавшего в каких-либо этих событиях и могущего доказательно рассказать о них, не могут. Нет такого человека! Значит, все это голые слова!» – закончил он во всеобщей тишине...

– Почему же, есть, – произнес негромко дядя Коля, уже отошедший от окна и слушавший последний монолог.

Все удивленно замерли и повернулись к нему. Затем раздалось несколько возгласов:

– Как?.. Когда это было?

– И вы были участником?

– Расскажите!

– Вы нам расскажете?

– Что же, рассказать можно... Но уж больно длинная это история... захочется ли вам ее слушать до конца, – задумчиво и с неуверенностью произнес дядя Коля. По нему видно было, что он уже сомневается, стоило ли начинать этот разговор. И продолжил: – Прошло уже десять лет, и я еще никому не рассказывал...

– Нет уж, позвольте, раз уж начали, продолжайте, а мы с интересом послушаем, – сказал пессимист-доминошник.

Его поддержали другие и уже начали переставлять поближе стулья, стоявшие вдоль стен зала. Кстати, народу оставалось всего человек пятнадцать.

Дядя Коля обвел всех взглядом и начал:

– Было это в тот год, когда Москва готовилась принять Олимпиаду. В то время реже, но иногда показывали, – он кивнул на телевизор, – как кого-то взяла тарелка, куда-то его возила, что-то в нем изучала, а затем снова возвращала на Землю. Не очень-то я в это верил, да и не особо мне было интересно, других забот хватало. Но вот что произошло со мной. Сразу предупреджу, если в конце моего рассказа кому-то он покажется слишком невероятным, то особо недоверчивым, – при этих словах он посмотрел на доминошника, – имея большое желание, можно проверить, что пятнадцать лет меня не было на этой нашей земле; ни в одном документе

он не найдет никакого упоминания обо мне. Я исчез, когда мне было сорок семь лет, и явился снова уже пенсионером. В конце, если будет интерес, я могу рассказать, сколько хлопот мне, пропавшему без вести, доставило выхлопотать эту самую пенсию.

Все случилось в Первомайский праздник. Отмечали у меня. Гостей было немного. Жил я в однокомнатной квартире на Октябрьском Поле. К тому времени я уже десять лет как был в разводе. Ну вот – были два моих друга с женами, одна из которых пригласила подругу, чтобы познакомить со мной. Не хочу отвлекать вас от сути моего рассказа и описывать подробности этого праздничного вечера. Короче, часам к двенадцати начали собираться по домам. Мужики изрядно поднабрались, особенно Борис; он еле держался на ногах, а он с женой жил в Зеленограде, ну и, естественно, я вызвался их отвезти на своем стареньком жигуленке домой. Забыл сказать, что мне утром надо было на работу, а работал я таксистом и поэтому в этот вечер не пил, исключая один бокал шампанского.

Еду я обратно, ночь теплая, снег уже с неделю, как полностью стаял, поэтому было сухо. Время половина второго. Дорога пустая, ни одной машины, в то время машин было намного меньше, чем сейчас, к тому же перед Олимпиадой Москву закрыли для иногородних. Я прибавил скорость и открыл окошко. Свежий ветерок приятно освежал и приносил запах распускающихся тополей. Светит луна – как-то особенно сильно светит! Мне хорошо! И я почему-то забываю, что скоро на работу, и решаю остановиться, выйти и полюбоваться на просыпающуюся природу. Выйдя из машины, тут же понял, что свет исходил не от Луны. Почти над дорогой, немного в стороне от нее, висел яркий предмет, а точнее не предмет, потому что не видно было никаких очертаний его, а светлое пятно на фоне темного неба. И трудно было определить расстояние до него, в километре он от земли или меньше. «Тарелка!! – была первая моя мысль. А надо сказать, в этом месте Ленинградского шоссе, от Зеленограда до Химок, их и раньше замечали и говорили о них. Да я и сам, раз давно проезжая здесь с пассажиром, обратил внимание, что некоторые машины остановились у обочины, а их водители стоят рядом, задрав головы вверх. Пассажир, заинтересовавшись, предложил остановиться и посмотреть. И мы с ним минут десять наблюдали за хаотическим перемещением световых точек на небе. Их было четыре или пять, но тогда они были достаточно высоко. Сейчас же Оно было близко и светило мягким, а точнее изливало свет, не било лучом на землю в одно место, а как будто наступал рассвет, хотя до него было еще далеко. Оно постояло некоторое время неподвижно, потом плавно переместилось в мою сторону и оказалось прямо надо мной. Постояв так несколько времени, резко ушло вверх, и, когда удалилось до размеров световой точки, я увидел еще одну такую же. Они медленно двигались навстречу друг другу.

«Что же это такое?» – думалось мне. Интересно, но я не увидел никаких очертаний тарелки, ни каких-то других обрисовывающих конфигураций – это было просто светлое пятно на фоне ночи. Вспомнилась теория, что это неизвестное явление природы.

«Ну вот, – с сожалением и некоторой долей иронии, улыбнувшись, подумал я и о себе, – а ты хотел, чтобы тебя забрала тарелка».

В это время точки сблизилась и, слегка вспыхнув, соединились в одну. А после небольшой паузы начали снижаться, вернее, теперь уже одна общая быстро приближалась ко мне. Метрах в ста она замедлила движение. Стало светло – как днем. А Оно опускалось все ниже и ниже и уже начало обволакивать меня. Во мне не было ни чувства страха, ни желания убежать, спрятаться... Сознание мое и воля ослабли, как бы доверяя и подчиняясь неизбежности. И тут я потерял сознание. Вернее, я не терял его в общеизвестном смысле – я просто ничего не помнил, что происходило дальше. Единственное, в последний момент смутно промелькнули очертания странного, непонятного помещения.

2

Пришел в себя я на берегу реки, лежащим на песке в двух метрах от воды. На мне был надет то ли пиджак, то ли куртка из простого плотного холста и такие же штаны. Все «брезентового» цвета. Под пиджаком теплая водолазка, тоже серо-зеленая. На ногах, если можно их так назвать, кроссовки, из такого же материала, но более толстого, как брезент, даже толще, застегивающиеся на липучках. Мой головной убор напоминал бейсболку, только с более коротким козырьком.

«Вот тебе и раз, значит я действительно побывал на тарелке, – подумал я, оглядывая себя. – Где же я теперь?.. И зачем меня переодели?..» – продолжал я рассуждать. Потом встал и огляделся.

Река была широкая с тихим течением – очень похоже на Москву-реку. Берег реки был высоким и песчаным, довольно крутым, градусов сорок. Наверху виднелись верхушки деревьев с уже распутившимися листиками, похожими на осиновые.

Этот песчаный крутой пляж остро напомнил мне картину детства и юности. Жили мы на Живописной улице в деревянных двухэтажных барачных домах, рядом с клубом Курчатовского института. Сюда, на этот пляж, мы, пацаны, босиком в одних трусах прибегали купаться. Здесь в тринадцать лет я впервые переплыл Москву-реку. А на том берегу был женский нудистский пляж, куда мы, переплыв, иногда ходили подсматривать сквозь щели в деревянном заборе.

Все это хорошо, но странное мое положение быстро заставило вернуться к настоящему. Механически опустив руки в накладные карманы моей новой одежды, я обнаружил там свои зажигалку и перочинный нож – все, что мне было оставлено. Сигарет не было. «Хорошо хоть, что я на Земле, а не на какой-нибудь неизвестной планете», – подумал я. В этом я не сомневался: и река, и утреннее солнце, и вверху зеленеющие деревья – все было знакомым и родным. Слегка смущало, что уж больно чистая вода в Москве-реке; да и дышалось слишком легко, такой чистый воздух, что одного вдоха мне хватало почти на целую минуту; теперь я заметил, что дышу очень редко. Ладно, сейчас выберусь наверх и увижу: Живописная ли улица там проходит? По ней теперь пустили трамвай, только что-то не слышно их, значит, я в другом каком-то месте? С удивительной для себя, курящего, легкостью я мгновенно взлетел на этот песчаный склон и остановился пораженный. Передо мной открылась возвышенность, до самого горизонта поросшая лесом. Лес и больше ничего. Я оглянулся на тот берег – та же картина. Сплошным нескончаемым массивом стоял лес, чего снизу не было видно. Снова повернувшись и внимательней присмотревшись к деревьям, я обнаружил некоторые различия с обычными деревьями. В основном лес состоял из сосен и елей, но у елок макушки были из листьев. Такая вот елка: на две трети иголки, а верхняя часть листьев, их-то я снизу и принял за осины. Еще были деревья, раскидистые, как дубы, только листья круглые и большие.

Только теперь окончательно уяснилось мое положение. Я редко терял присутствие духа, что хорошо помогало в жизни. «Вот и сейчас – сказал себе, – не впадай в панику, а попробуй по возможности уяснить для себя некоторые вопросы». И так, факт, что я попал на другую планету, что планета эта пригодна для жизни, даже больше – здесь есть жизнь; об этом говорят как чайки, летающие и покрикивающие над рекой, так и другие птицы, чирикающие и посвистывающие в лесу. Изменить произошедшее не в моих силах, и ничего не остается, как принять это за данность. Дома, конечно, привычнее, спокойней, но когда-то я бросил дом и поехал за романтикой на целину, где почему-то ее не ощутил и был разочарован не я один. А вся пафосная литература о целине оказалась просто агиткой для мечтателей. Какая она подлинная, настоящая романтика? Кто знает это точно? Возможно, и есть такие счастливые люди. Но вот судьба сама преподнесла мне новый шанс. Правда, годы уже не те... Хоть и вспомнил я

о годах, но, странное дело, необъяснимое чувство молодости, легкости и силы играло во мне. Мне захотелось подпрыгнуть и достать до толстой ветки сосны, которая, как гимнастическая перекладина, находилась у меня над головой. Приготовившись, я прикинул – не достану, слишком высоко, попробую сначала хоть одной рукой коснуться – и, изо всей силы оттолкнувшись, врезался в нее головой, потерял равновесие, перевернулся в воздухе и упал на спину. Поднявшись и потирая ушибленное место на голове, начал соображать, что произошло. Наверно, масса этой планеты меньше земной, а мышцы мои еще не привыкли настолько, чтобы я мог координировать свои усилия. Другой вариант, пришедший мне в голову, что те, кто перенес меня сюда, каким-то образом влили в мои мышцы дополнительную силу. То, что они запросто могли это сделать, в этом сомневаться не приходится, уже одно то, что они доставили меня сюда, говорило об их возможностях. Получается, им нужно, чтобы я был очень сильным. Иначе сожрет меня местное зверье, или дикари, или кто тут еще обитает... И конец их эксперименту. Ведь не шутки же ради привезли меня сюда – не их это уровень так шутить.

Вот еще и дыхание подозрительно редкое, может, и под водой я смогу плавать. Решив проверить, глубоко вдохнул и задержал дыхание. И действительно, минут с десятков не дышал, не чувствуя никаких затруднений, мог и больше, просто надоело.

Затем я решил повторить упражнение с перекладиной. Подойдя к ветке, протянул одну руку и опять подумал, что высоковато, но, наученный горьким опытом и уже набухшей шишкой на голове, осторожно, слегка присев, одним только движением мышц пальцев на ногах, подпрыгнул и уцепился за нее. Потом подтянулся на одной руке и дальше вышел в упор на руках (так, кажется, называется это положение в гимнастике), а я это сделал одной рукой. Спрыгнув, заметил при этом, что падал вниз быстро, не как перышко, и значит эта моя сила не от малой массы планеты. Я стал намного сильнее! По моему грубому прикиду, раза в три, а то и в четыре сильнее борца или штангиста тяжелого веса на Земле. Между тем мышц у меня не прибавилось нисколько. Конечно, я был не хилым, но и не качок: в юности занимался и акробатикой, правда, всего около года, боксом, аж три года и в футбол играл за мастеров класса «Б». Но теперь мне уже под пятьдесят – а чувствую себя прямо семнадцатилетним. Какой-то задор появился... но и рассудительность не потерялась. За всеми моими рассуждениями и прикидками я не забывал о своем положении и без всякой паники, а скорее озабоченно думал о дальнейшем. Ведь мне предстояло здесь жить, и неизвестно сколько, возможно недолго, а возможно, всю оставшуюся жизнь. Есть ли здесь люди или хотя бы разумные существа, и если есть, то какие они. Судя по дикой нетронутой природе, цивилизация их находится в зачаточном состоянии.

В этот момент в кустах, росших метрах в сорока от меня, послышался сильный шум, напоминающий хлопанье крыльев, и раздалось звериное рычание. Кусты зашевелились, и из них выскочил зверюга, державший в зубах птицу, величиной побольше курицы. Зверь представлял собой какую-то помесь волка и рыси. Он был желтой масти с коротким хвостом, но с волчьей удлиненной пастью. Увидев меня, он остановился и с полминуты изучающе смотрел; затем придавил птицу лапами к земле, перегрыз ей горло, перехватил поудобней и, снова искоса глянув на меня, неторопливо удалился.

Это происшествие навело меня на мысль, что неплохо бы иметь какое-нибудь орудие, как для защиты, так и для добычи пропитания. Вон из того дубка отличная дубина должна получиться. Дуб был высотой около трех метров и толщиной с кулак. Отступив с полметра от земли (благо нож мне был оставлен, наверно, знали, что пригодится), я начал обрезать его по окружности. И какое же крепкое дерево оказалось – как железное! Промучившись с полчаса, подрезал его наполовину и попробовал сломать, но при раскачивании оно начало подозрительно потрескивать, и я побоялся, что оно расщепится. Пришлось еще поработать ножом. Наконец оно аккуратно по надрезу сломалось. Затем, отмерив метра два, может чуть меньше, я отрезал верхнюю часть и несколько оставшихся толстых веток. Получилось нечто абсолютно непригодное для целей, мною заявленных, будь то на Земле, так как поднять ее, даже обеими

руками было бы затруднительно, не говоря уже о том, чтобы от кого-либо отмахнуться. Сейчас же вышло, что я правильно рассчитал и учел свою теперешнюю силу и, взяв ее за более тонкий конец одной рукой, словно бейсбольной битой с легкостью поиграл ею в воздухе.

Появление этого орудия вызвало чувство обустройства в новом доме человека, что-то хозяйское, и я для удобства почище обстругал ручку, а начавшее появляться чувство голода заставило подумать о том, чем меня здесь собираются кормить. Так подбадривая себя, пытался я шутить. Ведь несмотря на в большой степени напускную мою самоуверенность, все же определенное чувство некоторой растерянности присутствовало во мне, что вы легко поймете, на миг представив себя на моем месте.

Наверное, этой дубиной можно не только защищаться, но и как городошной битой на небольшом расстоянии добыть что-нибудь съестное типа гуся или зайца (если они есть), ну, или им подобное.

Сидеть на месте не было смысла, и я решил идти вдоль реки, а по дороге при случае заняться промыслом. Еще потому я выбрал такой маршрут, что если и есть здесь люди, то обычно они селятся вдоль рек, правда, что сулит мне такая встреча, неизвестно, и значит надо быть осторожней.

Удивительное дело – не вызывает сомнения, что я нахожусь на другой планете, но как же она похожа на Землю. Такая же структура земли, правда, несколько отличается животный мир и растительность, деревья, трава – хоть ее еще было мало, но такой травы я на Земле не видел, но ведь это не принципиальные различия. Нужно учесть, что я простой работяга, образование мое всего семь классов и в моем понимании другая планета – это Марс, Венера, где, как учили, жизни нет. Говорили также, что где-то далеко во Вселенной и существуют планеты, на которых возможны некоторые формы жизни, но как же далеко нужно залететь, чтобы найти такое же светило и на таком же расстоянии от него вот эту вот штуку, которую я сейчас топчу. Не хватало еще, чтобы ночью взошла Луна. А что? Говорят, что Вселенная бесконечна, значит, можно в ней отыскать такое же место. Все могут боги! Я вот все думаю, кто они те, кто занес меня сюда. Вообще-то я крещеный, но, честно сказать, в Бога не верю, но не верю также, что все произошло само из каких-то микробов, в эту... как ее... в эволюцию. Я думаю, что есть какой-то создатель или создатели и по их воле я оказался здесь, а вот зачем, пока не могу себе объяснить, но, возможно, дальше это прояснится.

Так рассуждая, прошел я уже километров десять. Берег стал ниже, лес иногда отступал от реки на довольно значительное расстояние, уступая место редкому кустарнику, и – о чудо! На полянках желтели наши одуванчики, хоть я и не силен в ботанике, но их то, родных, я узнал. Вообще жалко, что на моем месте не оказался какой-нибудь ученый, он бы смог описать лучше и местную природу, и технические вещи, которые встретились мне позже, или здешний климат и время года. По моим незатейливым умозаключениям, здесь тоже наступила весна, прошлогодняя пожухлая примятая трава лежала пыльным ковром на полянах, а сквозь нее местами пробивались одуванчики и другие незнакомые мне ростки. Также кое-где в лесу, мало, но еще лежал снег. Если еще время вращения этой планеты вокруг светила тоже двенадцать месяцев, то будет совсем как на Земле. Надо же подобрать такую планету – хоть это радует.

Я уже приоровился к внезапно обретенной мною силе и шагал нормально; между тем как раньше у меня получались какие-то неравномерные скачки, я мог, неосторожно оттолкнувшись, шагнуть метров на пять, а то и больше; приходилось на ходу заново тренировать двигательные навыки – это занимало меня и я провел несколько экспериментов посложнее.

Вот передо мною стояла толстая высокая сосна, низу, как и бывает, метров на семь без веток, голая, и мне надо с ходу, сделав несколько шагов разбега, как по стене, взбежать на нее и закрепиться на начинающих там ветках. С третьего раза получилось. И не думайте, что это легко далось, главное, суметь скорректировать силу разбега и резкость, но мой организм

быстро усваивал эти новые навыки. Через несколько дней это очень пригодилось и спасло мне жизнь.

Я прошел еще километров тридцать, не забывая о своем намерении добыть пищу, но, увы... не то что ее не было, наоборот, пару раз мне встретились зверушки, похожие на зайцев, наверно, это и были зайцы, я не успел рассмотреть – начал подкрадываться и оба раза спугнул. Потом мимо меня, похрюкивая, пробежали четыре кабана, здесь я хорошо их рассмотрел, но почему-то растерялся и просто проводил их взглядом, хотя потом подумал, что запросто с моей скоростью и силой мог догнать и одного убить своей дубиной. А вскоре лес отступил от реки километра на два, и там, в низине, оказалось небольшое озерцо, в котором плавала стая гусей. Опять не повезло – они находились далеко от берега, поэтому я, не скрываясь, подошел прямо к воде, ожидая, что испугаю их, но они спокойно продолжали свои дела. Затем я взмахнул дубиной и громко крикнул – никакой реакции, тогда я поднял валявшийся на берегу булыжник и запустил в них, он попал в середину стаи да еще два раза подпрыгнул, произведя много брызг и шума, только тогда они лениво поднялись и улетели. «Да, непуганый край, знать, не часто на вас охотятся. И видели ли они людей?» – подумал я.

Я встал на колени и пригоршней напился, один раз я уже спускался к реке, чтобы утолить жажду, вода здесь оказалась чистойшая и вкуснейшая. Представляю, что бы со мной было, если бы я решился напиться из Москвы-реки.

А Солнце (буду уж его так называть), между тем, уже стало клониться к закату. Видать, придется устраиваться на ночлег на голодный желудок. Действительно, до захода Солнца, похоже, оставалось часа два, от силы три, и пора подумать, как проведу я здесь свою первую ночь. Разжечь костер, хорошо я (как знал) «перед отлетом» в последний день поменял зажигалку (опять подшучиваю над собой – это прибавляет оптимизма), да нарезать веток и постелить на земле, благо их, еловых и сосновых, было в изобилии. Или лучше попробовать устроить ночлег на дереве, удобств, конечно, меньше, зато безопасней, черт знает, какие тут еще хищники водятся. Поэтому остановился я все-таки на втором варианте и тут же начал подбирать дерево.

Больше всех для этого подходили местные дубы, их крепкие ветки располагались по стволу часто, и можно было на них устроиться. Конечно, только сидя, но, как говорится, не до жиру – быть бы живу. Как вы понимаете, залезть на дерево для меня не представляло сложности – даже если ветки начинались высоко; я, подпрыгнув, хватался за нижнюю и ловко, не хуже обезьяны, взбирался на него, подбирая «кровать» помягче. Таким образом забраковав несколько штук, я нашел что искал. Дерево оказалось очень ветвистым, три толстых ветки расположились на одном уровне – для тела и ног, дальше две чуть повыше – для спины и одна поменьше, еще выше, – поддерживала шею и голову. Получилось положение полулежа. В моих условиях идеальная постель, особенно если вспомнить, как Суворов накладывал под простыню камни.

Было тепло, даже для мая, градусов двадцать, но на всякий случай я решил насобирать сухих веток, ведь к утру может похолодать, и я бы слез и согрелся у костра. Когда я заканчивал, набрав порядочный ворох, откуда-то налетел ветер и нагнал облаков.

Быстро стемнело, и я залез на свою «кровать», устроился там поудобней, и подумалось, что в Москве я сейчас, поужинав, смотрел бы телевизор. Увижу ли я его когда-либо снова? Но сильно загрустить не позволил пустой желудок, он отвлек меня и заставил соображать, как ловчее добыть завтра пищу.

Я и на Земле никогда не страдал бессонницей, а здесь, утомленный новыми впечатлениями и убаюканный чистым свежайшим воздухом, я мгновенно уснул, не додумав даже процесс завтрашней охоты.

Проснулся уже под утро, и не от холода, а от ломоты в костях и теле, еле ворочалась шея. Виват Суворову! А мне, видать, никогда не быть полководцем. Но еще сюрприз ожидал меня:

облака разошлись, сквозь листву проглядывало звездное небо и светила, что бы вы подумали? Луна! Во всяком случае, что-то очень похожее на нее. Я уже говорил, что не силен в науках, как в ботанике, так и в остальных. А все мои познания в астрономии ограничивались Солнцем, Луной, Марсом, Венерой и когда-то в школе мне показали Большую Медведицу и объяснили, что она похожа на ковшик, хотя я никакой такой особой схожести с ковшом не разглядел. И вот сейчас я попытался отыскать что-нибудь похожее, но куда там, как я был нерадивым учеником, таким и остался. Мне быстро надоело, и я решил плюнуть на эти свои научные изыскания и заняться делом. Сегодня во что бы то ни стало нужно добыть пищу, уже начинало светать, и я решил обследовать ближайшую округу, не уходя далеко от кучи приготовленного хвороста. Не отойдя и ста метров, услышал тяжелое похлопывание крыльев, так бывает, когда курица слетает с нашествия. Я затаился на некоторое время и впереди на земле, перед густым кустарником, почувствовал еле слышное шевеление, а затем разглядел крупную птицу, которая, разгребая лапами прошлогоднюю листву и траву, что-то склевывала. Я не решился бросить в нее своей дубиной – далековато и очень большая вероятность промахнуться, пришлось осторожно обойти кусты с той стороны, подкрасться поближе и действовать уже наверняка. Когда до нее оставалось метра три, я резко выскочил и, оставив дубину, просто схватил ее руками; мне понадобилось на это всего доли секунды, она даже не успела взмахнуть крыльями. Это был экземпляр, напоминавший одновременно и курицу, и тетерева, и глухаря. Он был рябого оперения с большим красивым хохлом малинового цвета. Размером он несколько превышал этих вышеназванных птиц, но имел совсем небольшие крылья, очевидно, что на большие расстояния он летать не мог и вел образ жизни глухаря. Вчера такой же на моих глазах стал добычей рыси. Жалко, но пришлось и мне скрутить ему голову; затем из кустов, у которых его поймал (похоже, орешника), срезал три «шампура», заострил концы и нарезал под них несколько рогаток. Отнес все это к своему временному становищу, развел костер, ошипал и опалил свою добычу; затем спустился к реке, разделал и промыл ее. Отрезал шесть кусков, и еще осталась половина «глухаря» к обеду или к ужину – посмотрим по аппетиту. Мясо оказалось очень вкусным, даже без соли, возможно с голодухи.

Основательно подкрепившись, я все равно не почувствовал себя положительно удовлетворенным, все-таки человек есть существо общественное, и неопределенность одиночества угнетала. Но успокаивала мысль, что шел всего второй день, кстати, нужно как-то вести отсчет времени, и я тут же сделал одну насечку на дубинке, вечером сделаю вторую. Я оказался здесь утром второго мая, значит, сегодня третье число. Короче, перспектива встречи с себе подобным социумом все-таки была, и она впереди. Пусть дикари, пусть даже людоеды, но что-то обязательно должно быть, уж очень условия жизни подходящие. Итак, вперед к перспективе!

Было неудобно нести оставшийся запас пищи, но я нашел прошлогодние стебли растения, напоминавшие лиану и оказавшиеся очень крепкими, и сплел из них что-то типа авоськи, положил остаток туда, привязал к дубинке, а ее закинул на плечо, и стало удобней.

Прошло еще несколько дней, я привыкал, проблема пищи в этом благодатном мире уже решалась мною легко: меню состояло не только из птицы, но была и крольчатина, и зайчатина. Спал теперь только на земле. Прошел уже очень большое расстояние, километров триста, никак не меньше, но ландшафт совсем не менялся – река и лес, только река несколько сузилась, очевидно, я шел к истоку. Никаких признаков жилья или, на худой конец, какого-нибудь бывшего стойбища дикарей не встречалось.

Было не по-весеннему жарко. Один день выдался особенно душным, и я решил искупаться, а заодно проверить, действительно ли могу долго находиться под водой. Я разделся и по грудь зашел в воду – дно оказалось песчаным. Вода уже более-менее прогрелась, но я некоторое время постоял, привыкая и прикидывая, смогу ли донырнуть до середины. Потом нырнул и постарался, пока хватало захваченного воздуха, уплыть как можно дальше. Все-таки не совсем верилось, что смогу долго пробыть под водой, ведь одно дело задержать на десять минут

дыхание в родной среде – на воздухе, а другое – непривычный подводный мир. Минут пять я усиленно плыл, но потом, сообразив, что моего рекорда оценить все равно будет некому, остановился и, чувствуя, что пока не испытываю потребности в новом глотке воздуха, начал осматриваться. Я находился примерно в полутора метрах от поверхности. На этом уровне видимость была отличной.

В двух метрах от меня медленно проплывала стайка красноперок. Вдруг, сверкнув серебром и на солнце красно-розовым переливом плавников, они юркнули вниз и пропали. Испугал их полуметровый судак, на них даже не обративший внимания, а всплывший то ли подышать, то ли погреться на солнышке. Постояв, пуская пузырьки у поверхности, он заметил меня, перебиравшего руками и ногами, удивленно уставился на это доселе не виданное им чудо и решил от греха отплыть подальше. Вспомнилась телевизионная передача о ныряльщиках, когда-то виденная мной. Там некоторые особо одаренные и усиленно тренировавшиеся могли по несколько минут проводить под водой. Прошло уже, наверно, побольше десяти минут, но потребность всплыть и подышать не ощущалось, и я решил обследовать дно. Медленно опускаясь, чувствовал, что вода становится холоднее. Дно оказалось слегка заиленным. Глубина метров шесть или семь. Свет едва проникал сюда, но вода была чистой и прозрачной, поэтому метров на пять виделось неплохо. Передвигаться по дну было трудно, все время выталкивало и приходилось взмахами ладоней снизу вверх удерживать себя.

Ко мне подплывала крупная – больше метра – рыбина, по форме напоминающая дельфина или даже акулу, но снизу, на морде, имеющая множество разновеликих усиков, из чего я заключил, что это какая-то разновидность донных рыб. Тем более что плыла она в полуметре от дна. Она ощупала мои ноги и начала подниматься. Остановившись на уровне моей груди, она уставилась на меня. Очевидно, из-за своих размеров у нее не было врагов и она никого не боялась. Я протянул руку и потрогал ее. Она не испугалась, а, повернувшись, ощупала мою руку усами и губами потом туловищем и хвостом, словно приглашая поиграть, слегка ударила меня по груди. Тогда я обхватил ее обеими руками, и она, не вырываясь, проплыла со мной несколько метров, как будто желая покатасть. Я выпустил ее, оттолкнулся от дна и несколько отплыл, но она, развернувшись, снова подплыла ко мне. Так некоторое время мы с ней играли.

Наконец я почувствовал, что начинаю промерзать. Пришлось проститься со странной игруней, и я начал подниматься. Она, недолго провожая, следовала за мной, но на полпути остановилась и, на прощанье взмахнув хвостом, снова ушла вниз.

За это время пару раз я вроде бы начинал чувствовать кислородный голод, но через мгновение он проходил. Прошло уже около получаса, и, подумав, что на первый раз достаточно, я всплыл на поверхность. Хоть течение было несильным, но метров на пятьдесят меня отнесло от места, где я раздевался. Я заметил это по двум отдельно стоящим большим соснам.

Восьмого мая, значит на седьмой день моего нахождения здесь (я хорошо это запомнил), вдруг увидел в небе быстро передвигающийся четырехугольник темно-серебристого цвета. Он передвигался на небольшой высоте, одним более острым углом вперед со скоростью, раза в два превышающей наш реактивный самолет, но абсолютно без звука. Весь этот предмет был окутан голубоватым искрящимся облачком и вместе с ним перемещался.

– Вот это да! – удивленный, открыв рот, машинально проговорил я вслух. – Самолет что ли; может, разновидность тарелки.

Да нет, хоть он и быстро скрылся, но я отчетливо успел заметить на серебряном фоне боковых углов его какие-то знаки, а зачем знаки «богам», и потом, ведь наш самолет в принципе представляет собой тоже четырехугольник – нос, хвост и два крыла.

Здорово озадаченный, я задумчиво продолжил движение. В этот день произошел и еще один случай.

В полдень я уселся пообедать остатками зайца метрах в пятнадцати от небольшого возвышения, на котором когда-то росло дерево, сейчас оно было выворочено с корнем, и под ним,

в образовавшемся углублении, как потом оказалось, находилось логово тигрицы с двумя тигрятами. Это выяснилось позже, а пока я, досыта наевшись, подумал, куда бы деть остатки – жалко выбрасывать. Только я так подумал, как из углубления под корнем вылезли, потягиваясь (наверно, спали) один за другим два маленьких тигренка и принялись весело возиться и играть. Решив оставить им остатки зайчатины и идти дальше, я поднялся и, не забыв прихватить дубину, направился к ним. Они насторожились и попятились, один юркнул в нору, но второй, похрабрее, остался. Остановившись недалеко, я кинул свое угощение, оно упало в полуметре от него. Он, принохиваясь, осторожно подошел и лизнул его.

В это время сзади послышался шум, я обернулся: на меня с оскаленной пастью неслась тигрица, она была уже рядом. Представляете ситуацию? В первый момент меня охватил ужас. Метров с пяти она прыгнула и на лету лапами и грудью уже готовилась сбить меня. В последний момент, придя в себя, я успел отпрыгнуть и поднял дубину, а она, видя, что промахивается, уже повернула в мою сторону оскаленную пасть и наклонила корпус, чтобы, приземлившись, тут же повторить нападение, и как раз в момент ее приземления, сделав шаг вперед, я нанес удар, не успев подумать, в какое место бить, и попал по спине. Удар получился такой силы, что перерубил ее пополам. Она захрипела, затем затихла и осталась лежать. После этого у меня образовалась дрожь в коленках, и я опустился на землю. Сейчас бы закурить, чтобы снять стресс... но, увы...

Тигрята, уже оба, ничего не понявшие, ласкались к лежавшей матери, потом занялись с моей зайчатинной. Жалко их: теперь, наверное, не выживут. Только сейчас я сообразил, что мог бы не убивать ее, а просто убежать, но уж очень быстро все произошло и некогда было оценивать ситуацию, пришлось реагировать мгновенно. Вообще пару раз я уже встречался с такими зверями, и они не показались столь свирепыми, просто здесь мать защищала своих детей. Один раз тигр прошел совсем рядом. Я остановился и уступил ему дорогу, а он только слегка поворчал, очевидно, не считал меня за пищу, а почитал за равноценного охотника, а пищи здесь было и так в изобилии.

Посидев еще немного и придя в себя, я снова продолжил свой, ставший уже надоедать, однообразный путь. Правда, кое-какую надежду вселил вроде бы увиденный самолет. Почему вроде бы? Потому что прошло еще несколько дней, пошла уже третья неделя, мой «календарь» на дубинке насчитывал уже семнадцать зарубок, но больше ничего подобного не повторялось, хоть я и, как говорится, все глаза проглядел, постоянно задирая голову к небу. И уже все чаще в голове являлось известное выражение: «А был ли мальчик?». Может, все это мне привиделось, от большого желания? Да и какие могут быть самолеты, когда уже столько прошел, скоро река кончится, а на обоих берегах, насколько только может глаз охватить, один только лес. Река действительно стала совсем узкой, метров пятнадцать, в некоторых местах и десять, а была никак не меньше ста. Вот скоро дойду до истока – и что? Дальше куда идти? Надо было в другую сторону пойти, ведь река всегда куда-нибудь впадает. Да, еще на два дня и две ночи подряд зарядил мелкий дождь – в общем, начал я скисать. Но вот, наконец, на третий день к вечеру дождь затих, а когда я уже стал засыпать на «постели», как обычно, приготовленной под дубом из сосновых и еловых душистых ветвей, кончился совсем.

Проснулся я часов в девять (здесь я всегда долго и крепко спал), светило Солнце, и день обещал быть отменным. Сходил к реке, разделся до пояса и умылся. Очень сильно зарос. Раньше я никогда не носил ни бороды, ни усов, и было непривычно – неприятно чесалась кожа.

Как бы и казалось бесперспективным теперь мое движение вперед по реке, но до конца дойти нужно и уже там решать, что делать дальше. Но прежде надо добыть пищу. Вчера, еще в обед, я доел кролика и лег спать уже голодным. Добыть что-либо еще то ли поленился, то ли помешала моя хандра, и я, махнув рукой, оставил все на утро.

Последние дни я иногда для ускорения, говоря земным языком, передвигался трусцой, но местная трусца у меня выходила этак километров сорок в час, и никаких затруднений в дыхании.

Сегодня я тоже побежал. Пробежав километров пятнадцать, вдруг заметил стадо косуль. Вот говорю: косуль, а ведь в биологии я разбирался так же «хорошо», как и в астрономии, короче, побольше козы, но без рогов. Лес в этом месте поредел, и они паслись на полянке (уже стала подрастать травка). Я остановился, раздумывая, стоит ли начинать на них охоту? Куда я дену столько мяса? Пока я думал, основное стадо, голов двадцать, повернуло в глубь леса, а один, чуть поменьше, отстал и оказался ближе к реке. И я решился. Чтобы отсечь его от стада, забежал со стороны леса; он перепугался и кинулся дальше к реке, но далеко от меня не убежишь, догоняя, я бросил в него дубинкой и свалил с ног; тут же настиг, придавил коленом и, достав нож, перерезал горло, чтобы сошла кровь.

Во время этого преследования мы выскочили уже на самый край леса, и когда я поднял голову, увидел на том берегу то, что заставило меня затрясти головой и несколько раз закрыть и снова открыть глаза, думая, что это, как и в случае с самолетом, какой-то мираж, и я, раньше никогда не крестившийся, машинально перекрестился. Но нет, ничего не пропало.

А увидел я, что лес на том берегу закончился и там была пашня, а на ней обычный, как и я, мужик, управлял запряженной в борону лошадью, а в отдалении виднелась бревенчатая изба, но покрытая какой-то странной блестящей полустеклянной крышей. А еще на берегу купались четверо пацанов лет по восемь-десять, среди которых крутилась обыкновенная дворняжка.

3

Было четыре часа утра, когда дядя Коля, посмотрев на часы, остановился и сказал:

– Пора спать, на сегодня хватит, если повесть моя вам не наскучила, продолжим в следующие дни.

Мы с большим интересом слушали его и даже не заметили, как прошли эти четыре часа. Поэтому мы все как один просили его, чтобы он вдруг не передумал и обязательно пришел завтра.

– Хорошо, обещаю, тем более что эти воспоминания волнуют меня самого и заставляют снова переживать все моменты той моей далекой жизни, – сказал дядя Коля и, попрощавшись со всеми, ушел.

У нас оставалось еще побольше недели, и за это время он успел рассказать нам полностью все свои приключения и даже поведал о своих злоключениях в первые дни на Земле, после пятнадцатилетнего отсутствия.

Приехав из пансионата и выйдя на работу, я сразу, чтобы не забыть хронологию и не упустить чего-нибудь из услышанного, начерно записал его рассказ. Но набело успел написать только вышеприведенную первую часть. Мне пришлось прерваться на три года, так как наш завод через месяц все же обанкротился и был продан с молотка. Оборудование вывезли, цеха закрыли и отдали в аренду под склады.

Мне пришлось переменить место работы. Новая работа была связана с непрерывными командировками, и вот только сейчас у меня появилась возможность по черновикам и прежним наброскам закончить повествование этого уникального человека.

Итак, прервались мы на том, что оставили Николая (именно Николая, а не дядю Колю, так будем его теперь называть, ведь двадцать пять лет назад он был моложе) пораженным внезапно открывшейся пред ним картиной. Несколько времени Николай никак не мог поверить глазам своим, переводя их то на мужика с лошадью, то на избу с блестящей крышей, то на мальчишек, плещущихся в реке на том берегу. Когда же он точно поверил и убедился, что это не мираж, то первым радостным порывом его было вскочить, закричать и обратить на себя внимание. Но

то был первый порыв, он лишь успел привстать, как его осекла мысль, а что же он им скажет? как объяснит свое появление? Скажет: «Здравствуйте, я ваша тетья, то бишь инопланетянин», – это, уже приходя в себя и снова обретая способность подшучивать над собой, подумал он, да и как, на каком языке изъясняться.

Но объявляться все равно придется, хотя разумнее некоторое время понаблюдать, а потом уж действовать по обстоятельствам. Интересно, какую реакцию вызовет появление чужака в этой деревне или населенном пункте? Только теперь он заметил такие же избы, идущие вдоль реки, но расположенные на порядочном расстоянии друг от друга, – почти деревня. Вдруг по какому-нибудь сигналу тревоги выскочат мужики с вилами, а возможно и с ружьями, и откроют на него охоту. Знать бы их нравы. И еще значительную деталь подметил Николай: когда мужчина разворачивал свою борону на ближнем к реке конце пашни, хорошо различалось, что одет он был так же, как и Николай: такие же штаны и куртка, такая же бейсболка с коротким козырьком, да и обувь, хоть и не разглядеть как следует, вроде такие же кроссовки.

«Получается, что не зря меня переодели – подумал Николай, – а чтоб сошел за своего, ну пусть так и будет. Только вот рожа какая-то бандитская, небритая, но это еще сойдет, а вот языка не знаю. Что же делать? Хоть немым притворяйся!»

Но позже оказалось, что и с языком у Николая не стало больших проблем. Вы, читатель, возможно, слышали, что в нашей научной литературе описывались некоторые случаи, когда человек, побывавший в какой-нибудь шоковой, экстремальной ситуации или переживший клиническую смерть, вдруг начинал понимать и говорить на языках, раньше совсем ему неизвестных, а кто-то из таких даже смог перевести очень древние знаки на камнях. Значит, есть в нас какие-то скрытые резервы, надо только уметь на них воздействовать. А кому не уметь, как ни им – создателям, богам или экспериментаторам, а вернее всем троим в одном лице, жалко, но это останется неизвестным.

Не зря, видимо, у Николая остались смутные ощущения, когда он пришел в себя на песке у реки, что ему на виски и к телу присоединяли какие-то датчики или передатчики (так он выразился). В результате, как мы знаем, он стал и сильнее, и быстрее, и под водой мог долго оставаться, вот и в голове чего-то, наверное, перевернули (опять его выражение). Конечно, оказалось, что он не совсем стал понимать их язык, а просто очень быстро начал запоминать слова и усваивать их смысл. Но обо всем по порядку.

Общение Николай решил начать с ребятишек, все равно их не обойти: они рядом и продолжали возиться в воде. У них там стоял небольшой плот, связанный из трех или четырех толстых жердин, он был прикреплен веревкой к берегу, и они по очереди ныряли с него.

Николай встал, но они его не замечали, тогда он не очень громко, чтобы не испугать, окликнул их. Один из них услышал и, показав на него рукой, громко сказал пару слов, обращая на Николая внимание приятелей.

– Это обо мне, – подумал Николай и запомнил сказанные слова, – значит, я вот кто.

Как позже выяснилось, слово означало «старовер», но пока Николай уяснил, что он не их человек, а из какого-то другого племени, но не враг, а значит, имеет право на общение. Это он понял из того, что они не были напуганы, а двое вообще, недолго посмотрев на него, продолжали свою возню с плотом, что явно казалось им интересней, чем появление бородатого мужика. Потом этот мальчуган, видно постарше, уже обращаясь к Николаю, вопросительно крикнул два слова.

– Ага, – отметил Николай, запоминая слова, – по всей видимости, спрашивает: «Чего тебе?». Тогда Николай одной рукой поднял за ноги косулю, а другой поочередно, то махая ему, как бы подзывая к себе, то показывая указательным пальцем на себя, переводил руку, указывая на деревню. Неизвестно, правильно ли понял его пацан, но он, что-то сказав остальным (жалко, что теперь уже негромко), прыгнул в воду и быстро переплыл, как вы помните, ставшей уже узкой речку.

Здесь надо ненадолго прерваться и объяснить читателю, кто были эти староверы, за которого приняли Николая. Эти люди в определенный исторический момент отошли от всеобщего развития местной цивилизации, не приняли ее, остались верными своему богу. Жили они уединенно, преимущественно в лесах, их было мало, за сотни лет их язык стал во многом отличаться от всеобщего универсального, на котором все стали говорить на этой земле, после окончательной победы нового сильного бога над старым добрым, но слабым богом. Но иногда староверам все же приходилось общаться, чтобы обменяться некоторыми товарами, и даже бывали случаи, правда крайне редкие, что отдельные индивидуумы переходили жить во всеобщий мир, наверно, их изгоняли за какие-то проступки. Но не будем забегать вперед, сейчас это сделано единственно с той целью, чтобы вы поняли, как объяснилось в дальнейшем плохое знание Николаем языка, да и его появление.

Переплыв, паренек подошел к Николаю и, по-взрослому протянув руку, произнес приветствие. Николай ответил аналогичным словом, но сомневаясь, а вдруг это он знакомится и сказал свое имя, решил проверить и, пальцем ткнув себя в грудь, сказал: «Николай». Тогда тот тоже, показав на себя, сказал: «Бил».

«Ну вот и отлично, – подумал Николай, – вот и познакомились, может, я зря беспокоюсь насчет незнания языка, ведь те, за кого меня принимают, не обязательно говорят на их языке, вообще-то нужно стараться поменьше говорить, сойду за немногословного».

Паренек снова повторил прежний вопрос, очевидно означающий «чего тебе?». Николай жестами постарался объяснить, что он только что добыл косулю и хочет, чтобы ее в деревне употребили по известному назначению, и что он сам очень хочет «ням-ням». Ему действительно порядком надоело пресное мясо и хотелось чего-нибудь «ням-ням» с солью и обязательно с хлебом. Бил вроде бы все правильно понял, так как, переводя мимику Николая на свой язык, одновременно показал на косулю и на деревню. Николай утвердительно затряс головой. Тогда Бил прокричал товарищам несколько слов, а те отвязали плот, и один из них переправил его на этот берег. Николай погрузил на него косулю и начал раздеваться, но Бил предложил ему не делать этого, а сесть на плот. Смысленный парень оказался этот Бил, уловив затруднения Николая с языком, он, когда говорил, старался жестами объяснять смысл слов, что как раз и нужно было Николаю и, учитывая его вновь приобретенные способности к языкам, дало очень хороший результат.

Николай сел на плот рядом с косулей, тот притонул слегка, но выдержал, а пацаны, взявшись за края, отбуксировали его на другой берег. Конечно, Николай мог, разбежавшись, запросто перепрыгнуть эти десять-двенадцать метров, но он решил никогда не выказывать такие свои способности.

Когда плот причалил, Николай взял косулю под мышку и, прихватив свою дубинку, перешагнул на берег. Двое «буксировщиков» тоже вылезли из воды, и он, используя уже усвоенный запас слов, сказал им: «Надо в деревню» – и кивнул головой на деревню и на мужчину, который, остановив лошадь на краю поля, наблюдал за их переправой. Пареньки перебросились несколькими словами, и один из них (это был уже второй) быстро натянул штаны и, забросив на плечо футболку, сказал, очевидно, «Пойдем!» и повел Николая к поджидавшему мужчине. Оказалось, что это был его отец. Пока шли, мальчишка без умолку болтал, и Николай усвоил примерное значение еще нескольких слов, а также узнал, что его зовут Кид.

Когда уже подходили, Кид бегом опередил Николая и начал что-то объяснять отцу, показывая на него. Николай поздоровался и назвал себя. Мужчину звали Авдей.

Здесь надо предупредить читателя, что все имена несколько изменены, так сказать подправлены, это было сделано Николаем и частично автором для облегчения произношения и восприятия слушателями и читателями.

Авдей был молод, лет тридцати, ростом чуть выше Николая и поплотнее его. Он даже не стал особо интересоваться Николаем, ведь появление его, как мы уже выяснили, не явилось

таким уж экстраординарным событием. Да и ситуация была довольно простая – есть только что забитая косуля и ее требуется разделать. Николай продолжал держать ее под мышкой, а Авдей только приподнял не до конца перерезанное горло и по продолжающим еще стекать каплям крови убедился, что это свежати́на. Он велел сыну отвести Николая домой и сказал, что скоро закончит и придет обедать. Николай все лучше начинал понимать язык, так как он, внимательно следя за ситуацией, запоминал слова.

По берегу вдоль деревни тянулся ряд вековых сосен. Они располагались через каждые сто метров друг от друга. Наверно, их специально оставили еще, когда очищали место от леса для этого поселения. На подходе к дому стояло несколько странных ветряков, явно не мельницы (зачем их столько?), но и не флюгеры, так как на каждом столбе их было штук по десять, торчащих на разной высоте во все стороны. Еще удивляла эта крыша, на которой находились какие-то интересные устройства, вроде бы из стекла и пропущенных сквозь него проводков. У Николая мелькнула мысль, что это все похоже на ветровую и солнечную энергетику, о которой он читал в каком-то журнале, но он тут же отбросил ее – уж больно разительный контраст получался между тем, что он тут пока видел, и электричеством.

На крыльце дома их встретила молодая женщина. Она держала в руке около уха какой-то предмет и что-то говорила. Это сейчас в новом веке у нас мобильники по несколько штук на семью, а тогда, в восьмидесятом, это было еще очень большой редкостью, и Николай сначала ничего не понял. Женщина положила предмет в карман фартука, сошла с крыльца, вежливо поздоровалась и рукой пригласила Николая к пристройке около дома, оказавшейся большим подземным холодильником. Открыв дверь, она велела сбросить туда тушу и повела Николая в дом. По дороге она сказала: «Я знаю, ты – Нико, а меня зовут Эн, позвонил Авдей и велел тебя принять». Про сказанные слова Николай, как вы понимаете, догадался, теперь дошло до него и про телефон.

Дом был просторный, многостенный, сзади был пристроен к нему вместительный скотный двор, в котором по земным меркам запросто можно было держать до пяти коров. Эн провела его по комнатам, их было четыре: в одной из них уже сидел Кид перед включенным видеком и с увлечением занимался какой-то «стрелялкой». На кухне прямо в стене был вмонтирован плоский экран телевизора, он был включен: шел, очевидно, сериал; на столе лежала недочищенная рыба, наверно, ее готовили к обеду. Потом Эн принесла Николаю чистое белье, электробритву и указала на дверь, где можно помыться, при этом она все время говорила, опять упомянула Авдея и показала, как переключать бритву, чтобы состричь бороду, а потом побрить.

Звуки языка, на котором говорили эти люди, ничем не отличались от земного. Они не были какими-то необычными, например, какими-нибудь гортанными или еще какими-то, и если бы Николай не был уверен, что он на другой планете, он мог подумать, что попал в какую-нибудь английскую или европейскую деревню: некоторые слова и словосочетания очень напоминали язык этих стран, и хоть Николай не знал иностранных языков, это было заметно даже ему.

Слово «спасибо» Николай пока не знал, поэтому, кивнув головой, он вошел в указанную дверь. Здесь была квадратная комната четыре на четыре метра обшитая досками, но пол выложен кафелем. По одной стене, как в бане, располагались полки, а рядом сложенный из кирпича метровый куб, в который наложили крупные камни. У противоположной стены с одной стороны стояла большая двухметровая ванна, а в другом углу находился душ. Около двери был умывальник и висело зеркало, рядом с которым встроенная в стену панелька с четырьмя кнопками разных цветов и розеткой.

Всего полчаса назад сникший Николай думал, что он обречен жить на, как он считал, необитаемой планете, и без особой надежды мечтал о встрече с дикарями. Сейчас же его чувства выражали одновременно радость, удивление и ожидание чего-то могущего удивить еще

больше. Радость – что встретил абсолютно таких же, как и сам он, живых существ, с таким же примерно укладом жизни. Удивление малой численностью планеты, контрастом между, если можно так выразиться, лошадиной тягой и развитием техники. В нем просыпался исследователь. Определенно планета эта в прошлом хранит какую-то тайну.

Николай включил бритву, с удовольствием состриг бороду и переключил ее на бритье, при этом на коже чувствовались какие-то странные покалывания. Потом выяснилось, что это заложено в технологию бритвы: в ее лезвие был вмонтирован механизм, который в совсем мизерной дозе впрыскивал какой-то раствор и одновременно на определенной частоте тока воздействовал на корни волос, замедляя их рост. Поэтому брились здесь всего раз в месяц, и то не для того, чтобы сбрить выросшие волоски, а чтобы закрепить уже достигнутый результат прекращения их роста, то есть просто поводить бритвой по щекам. У Николая уже после этого первого бритья только через две недели появилось небольшое ощущение щетины.

Кстати о неделе: рядом с зеркалом висел небольшой календарь, и по нему выходило, что неделя здесь составляла десять дней, каждый месяц ровно тридцать дней или три недели, а в году было тоже, как и у нас, двенадцать месяцев, только стоящий в календаре последним насчитывал тридцать пять дней. Такая вот десятичная система. (А она, кстати, была у них и во всех остальных расчетах.) Николай подсчитал дни – получалось как на Земле. Он подумал, что, может, у них и високосный год есть, если вращение этой планеты вокруг Солнца за год не укладывается в 365 дней. Правда, это осталось неизвестным, так как Николай к этим тонкостям в своем дальнейшем повествовании не возвращался, а мы, захваченные разворачивающимися событиями, забыли уточнить.

Побрившись и взглядевшись в себя в зеркало, Николай удивился своему помолодевшему виду, таким он себя помнил в двадцать пять лет. Потом он, глядя на полки и выложенный камнями куб, помечтал о баньке – поддать бы сейчас пару и попариться. Примерно он представлял принцип работы местной парилки, наверно, камни раскаляются электроспиралью, проходящей где-то внизу куба и хорошо изолированной от попадания брызг воды. А кнопки на панели, очевидно, такие: зеленая – включение, оранжевая – малый накал, красная – большой и черная – выключение. Но он не решился злоупотребить гостеприимством хозяев, побоявшись чего-нибудь напортить. Из всего помывочного «сервиса» пришлось выбрать самый простой – душ. На полке лежали мыло и три мочалки. Николай отрегулировал воду погорячей, постоял, наслаждаясь, некоторое время и, взяв мочалку побольше (наверно, Авдея), начал мыться.

Когда он закончил, переоделся в чистое и вышел, Эн продолжала возиться с рыбой. Она показала Николаю на окно: там во дворе Авдей уже распрягал лошадь. Николай вышел на улицу и направился к нему.

– Ну вот и на человека стал похож, – сказал Авдей, одобрительно оглядывая помытого и побритого Николая.

– Ты как к нам, насовсем? Собираешься остаться у нас жить?

– Да, если это возможно.

Здесь автор опять должен сделать небольшое отступление и объяснить читателю, что с этого момента удобнее будет передавать все диалоги уже в переводе с языка мимики и догадок Николаем на нормальный язык, тем более, что, пообщавшись еще этот вечер с семьей Авдея, он уже на следующий день мог сносно говорить на их языке.

– Ну что ж, завтра ходим к старосте, пусть прикинет, куда тебя определить, – сказал Авдей, заводя лошадь под навес, – обед, видно, еще не готов, нужно бы шкуру снять с твоей козули, пока не застыла. Сейчас позвоню Сашку, если он свободен, приедет, сделает.

– А кто это? – поинтересовался Николай.

– Да есть у нас мастер по этим делам, живет недалеко, через пять дворов от меня, – и Авдей достал телефон.

Поговорив минуты две, он убрал телефон и сказал: «Сейчас будет» и, обращаясь к Николаю: «Тащи косулю сюда, под навес».

Николай понял из его разговора по телефону, что речь шла и о нем, были по несколько раз произнесены слова: старовер, косуля, пришел или принес, хочет остаться у нас.

Пока Николай ходил за косулей, Авдей достал пару метровых веревок и сказал: «Велел подвесить за задние ноги, давай привяжем вон к той стрехе, она покрепче». Он передал Николаю веревки.

– Привяжи к ногам, а я принесу с крыльца табуретку.

Они уже заканчивали, когда на дороге показался, как сначала подумал Николай, велосипедист, но почему-то он не крутил педали, как потом оказалось, педалей вообще не было, только подножки, как у мотоцикла. Это был электромопед, причем работавший почти без звука – мотор лишь слегка шуршал. Устройство его Николай тогда в пансионате объяснил нам в меру своего «высокого», как вы, надеюсь, помните, образования, по-дилетантски просто. Он сказал, что на его задней вилке находился небольшой электромотор и два аккумулятора, каждый размером всего со спичечный коробок, работали они поочередно, один работает, а другой заряжается. И когда наш пансионатский отдыхающий – «интеллектуал» (вы помните, был такой) недоверчиво прервал рассказ Николая словами о том, как могут такие маленькие аккумуляторы обладать большой мощностью, его оборвал наш пессимист-доминошник, ставший во время рассказа самым заинтересованным и внимательным слушателем. Он сказал: «Не мешай слушать, здесь тебе не научный семинар, и, если у тебя с головой все в порядке, ты поймешь, что техника везде имеет свойство развиваться». И дальше подколот его с явным намеком:

– Если у нас будет поменьше таких «ученых», возможно, и мы дойдем до этого.

Не научный семинар – отличное выражение в нашем случае, возьмем его путеводителем для нашей хроники и не станем слишком придираться к Николаю, тем более что дальше будут еще более удивительные технические вещи, также дилетантски описанные Николаем, ведь, как выяснится позже, Николай попал в цивилизацию, на две с половиной тысячи лет, а может и на все три, опередившую нас. А дилетантство Николая нисколько не помешает нам. И задачу свою автор видит в возможности сжатой социальной, а не технической, хронике, именно социальной, этих двух с половиной или трех тысяч лет. По ходу его рассказа у нас появится возможность проследить, как менялась жизнь с развитием цивилизации, как бы в назидание, как говорится: век живи – век учись, а тут сразу столько веков, чего же не поучиться?

Сашок, подъехав, поставил мопед и поздоровался. Он выглядел уже достаточно пожилым человеком лет пяти-десяти-шестидесяти, сильно заветренное огрубевшее лицо, морщины на лбу и в углах глаз, почти полностью седые волосы. Когда он уже приступил к своей работе, а Николай с Авдеем, чтобы не мешать, отошли в сторону, Николай спросил:

– А сколько ему лет?

– Сто два будет в этом году.

Сначала Николай подумал, что тот шутит, но, посмотрев на серьезное его лицо, задумался и почему-то решил спросить:

– А тебе сколько?

– Мне еще пятьдесят один.

– А Эн?

– Мы с ней ровесники, а чего ты спрашиваешь, тебе то сколько?

– Мне сорок семь, – ответил Николай.

Сашок провозился еще больше часу, Эн уже два раза выходила и звала обедать. Сняв шкуру и разделав тушу на постеленной под навесом клеенке, Сашок, отказавшись от приглашения на обед и захватив с собой шкуру, голову и одну заднюю лодыжку косули (так здесь принято), пристроив все это на багажник мопеда, попрощавшись, уехал.

Николай с Авдеем перенесли оставшееся разделанное мясо в уличный холодильник. (Был еще холодильник на кухне, в который Эн перенесла сложенные Сашком отдельной кучкой сердце, печень, почки и еще что-то.)

Наконец, позвав Кида, они уселись обедать, он был совсем не обильным; Эн налила по чашке бульону с хлебом, на второе по два куса рыбы и картошка с подливой, на третье кисель, похоже клюквенный. Все было очень вкусно приготовлено: и бульон, и подлива, и кисель, но проголодавшийся и отвыкший от домашней пищи, Николай не наелся, а попросить еще стеснялся, и Эн, уловив его замешательство, положила ему в тарелку еще картошки и рыбы. Когда он начал есть, Кид, допивавший кисель, значительно предупредил его: «Переедать вредно для здоровья». Авдей, защищая Николая, сказал: «Ему можно, он долго был в лесу и проголодался». Николай, поощрительно обращаясь к Киду, спросил: «Где же ты уже постиг науку о правильном питании, в школе, наверно?»

– Нет, просто это известно каждому, а в школу я еще не хожу.

– Как, почему? – обращаясь уже к Авдею, удивился Николай.

– Да, год пропустил, ему в этом уже исполнится одиннадцать, а в том году учительницу не присылали, потому что не набралось и пятнадцати десятилетних детей – неполный класс получался, у нас всего двести пятьдесят дворов. Вот в этом году составится класс ребятишек тридцать пять, и будут учиться вместе и десяти- и одиннадцатилетние.

– Значит, у вас в школу идут с десяти лет?

Авдей удивился: «А у вас, что, не так что ли? А хотя у вас там свои законы». Чтобы не выдать себя, Николаю не следовало показывать явную неосведомленность о местной жизни, но, подумав, что его любопытство оправдательно тем, что он человек из леса, как они говорят, старовер, все же решился и спросил:

– А сколько же лет учиться?

– Как и положено, два года.

– Всего? Чему же можно научиться за два года?!

– Всему, что и положено: будет уметь читать, писать, считать и историю узнает.

– А если он захочет дальше учиться?

– Опять учиться? Что он дурак, зачем второй раз учиться? – улыбаясь такой наивности Николая, ответил Авдей. – Ты сам-то учился?

– Я нет, не пришлось, – на всякий случай соврал Николай.

– А как же, должны же быть ученые, инженеры, – Николай, продолжая выпрашивать дальше, повел вокруг рукой, – вот телевизор, телефон, электроплита, энергетика ваша, кто все это делает? А если что сломается, кто отремонтирует?

Дальше Авдей, возмущенный непониманием Николая, как ему виделось, самых простых и естественных вещей, чтобы исключить дальнейшие глупые вопросы, по своей инициативе решил его просветить и разразился эмоциональной тирадой, смысл которой Николай уже смог понять, но оттенки, например ругательные, уловил лишь день-два спустя по мере освоения языка. Нам же, тогда в пансионате, он передал ее, конечно, сразу в абсолютном переводе.

– Ты прямо тупой какой-то, – начал Авдей. – Слушай, вот отучится Кид два года в школе, потом, когда исполнится ему пятнадцать лет, будет полугодовая комиссия в специальном лагере, которая и определит, где и в каком качестве предстоит ему жить. Первая категория – быть военным, следить за порядком в городе; вторая – значит быть спортсменом; следующая – рабочая категория для работы в городе в мастерских и других местах; последняя – вернется домой для хозяйства. А техника, она не ломается, чего ее ремонтировать, она сама себя подправляет, на то она и техника; вот сарай у меня перекосялся, так его отремонтировать учиться не надо, небось, и такой неученый балбес, как ты, подправить его сможет. Ну бывает ЧП раз лет в пятьдесят, или сильным ветром ветряк свернет, или что другое, или новый дом

кто поставит, так установить на крышу энергоустановку пришлют из города рабочую бригаду, на то и есть категория рабочих людей.

Пока у Николая не укладывалось в голове, что, с одной стороны, двухклассовое образование, а с другой – колоссальный прогресс в технике, вот загадка-то: кто-то же все это изобрел? Они уже сидели за столом на кухне одни. Кид, допив кисель, сразу же схватил мяч и убежал к ребятам играть, а Эн, помыв и убрав посуду, ушла на огород.

Авдею и самому, похоже, понравилась роль лектора, он вошел во вкус и смотрел на Николая, как бы ожидая новых вопросов. Уловив эту его готовность к «факультативу», Николай счел возможным задать еще несколько вопросов.

Прямо против двери на стене висела хорошо исполненная картина. На ней с небес исходила мощная, яркая вспышка, как бы от взрыва, направленного на землю, а внизу валялись изуродованные, обожженные человеческие тела, оторванные конечности и головы с глазами, полными ужаса. Сверху, на фоне взрыва, просматривался изображенный почти контурно, но все же отчетливо угадываемый лик то ли человека, то ли животного, зло взиравшего на землю. У него были непропорционально большие уши и глаза, а на лбу две здоровенные шишки. Николай спросил:

– А что изображено на этой картине?

– Это момент, когда наш бог окончательно расправился с неверными.

– Бог? – Николай удивился и, продолжая оценивающе рассматривать картину, добавил: – Он же и на человека-то не похож... какие-то несуразные уши... шишки на лбу, что это рога что ли?

– Он и не должен быть похожим, это же не человек, а бог, – объяснил Авдей, – а большие глаза и уши означают, что он все видит и слышит, а то, что ты назвал рогами, в них вся сила, они изрыгают громы и молнии и поражают всех, кто пойдет против него.

«Ну и страсти», – усмехнулся про себя Николай и, решив перейти к следующему вопросу, спросил:

– Авдей, а еще какая-нибудь категория людей у вас есть?

Он слегка задумался (наверно, обдумывал, как сформулировать ответ), потом сказал:

– Есть, но это не совсем категория – это начальство, они не работают, только рисуют на бумаге разные рисунки, а по ним уже рабочие все сами делают, правда, они хорошо людей лечат, да, еще они книги разные читают.

– А вы книги читаете?

– А зачем их читать, а телевизор на что, про все расскажут и даже покажут.

«Ну вот наконец Авдей вспомнил, что где-то у них есть интеллигенция, – подумал Николай, – но странно, почему она не образовывает свой народ, а, похоже, специально задерживает его интеллект на уровне второго класса».

– А ты, сколько классов кончил? – спросил Николай.

– Я – полных два класса, – с некоторым оттенком гордости заявил Авдей.

– Вот ты говорил, что в школе изучают историю, а какая она, ваша история?

– Какая-какая... – уже почему-то недовольным тоном, посмотрев на часы, начал скоро, словно торопясь, говорить Авдей, – такая же, как и ваша, на одной земле живем. Когда-то давным-давно была большая война, погибло очень много людей, но наш бог – самый сильный, и мы победили и теперь живем на земле очень счастливо, никаких войн не бывает. С той победы ведется у нас новое летоисчисление, вот сейчас две тысячи девятьсот восьмой год.

Закончив, Авдей переключил телевизор на другую программу и, снова посмотрев на часы, сообщил:

– Через пять минут начнется футбол, за нашу команду играет мой старший сын Нико. А ты любишь футбол?

Удивленный Николай (здесь еще и футбол?!) опрометчиво сказал:

- Да, конечно, я и сам играл.
- За какую же команду ты играл? – скептически удивился Авдей.
- Да так, у нас на любительском уровне, – нашелся Николай.

Футбол здесь оказался очень приличного уровня, и, что интересно, правила почти не отличались от земных. Играли также по одиннадцать человек в каждой команде. Примерно таких же размеров ворота, поле тоже сто на пятьдесят метров, но было и несколько различий: чуть-чуть побольше мяч, почти как баскетбольный, и играли три тайма по тридцать пять минут.

Сын Авдея был центральным защитником. Игра проходила очень упорно, первый тайм наши проиграли 0:1, ко второму тайму прибежал Кид, он спросил счет и расстроился. Стали болеть втроем. В итоге наши одержали победу 3:2 и вышли в финал.

Это был полуфинальный матч чемпионата планеты, чемпионата мира, он проводился раз в два года. Оказалось, что страна в этом мире была одна и состояла из шести республик. И между ними раз в два года разыгрывалось звание чемпиона. Но в результате назывался этот чемпион все равно чемпионом мира. Названий республик по национальному или по какому-то другому признаку не было. Они обозначались только численно. Наша была вторая, а играли мы с пятой.

Все это по ходу матча удалось узнать у Авдея. Потом показывали второй полуфинальный матч между третьей и четвертой республиками. Все закончилось очень поздно, и уже стало темно. Эн приготовила легкий ужин, и пора было укладываться спать. Николаю постелили в небольшой комнатке, расположенной на втором этаже.

Впервые здесь Николай лег спать в удобную чистую постель, имея под головой мягкую подушку, и без боязни подвергнуться какой-нибудь внезапной опасности. Но странное дело, в этот раз ему не спалось: неожиданные события последнего дня перевернули его однообразную, уже лишённую надежды на встречу с людьми местную жизнь, и он невольно начал перебирать в уме все детали этого дня. Начинался новый этап его жизни на этой, пока непонятой, планете. Какое-то необычное для высокой цивилизации жизнеустройство вырисовывалось здесь. Вот в этой деревне живут простые, по-видимому, очень добрые люди, пользуются плодами этой цивилизации, и в то же время возникает чувство, что они живут, вернее, их кто-то держит как бы за производителей продукции (как сказал Авдей, для хозяйства). Кто-то распределил людей по категориям и предписал оставаться в ней, в этой категории, навсегда и внушил мысль, что учиться ни к чему. А действительно, зачем учиться, зачем думать, зачем читать, достаточно только уметь нажимать на кнопки, для этого вполне хватает двух классов. Не надо даже ремонтировать технику, по выражению Авдея, «она сама себя подправляет», наверно, программируется чем-нибудь похитрее нашей электроники. В общем, одно было безусловно ясно Николаю: цивилизация этой планеты намного старше нашей, ну а дальше, как говорится, пока одни «непонятки», особенно в социальном плане. Тут он вспомнил, что завтра идти к старосте.

«Ну что же, – подумал Николай, – утро вечера мудренее...» – И с этой мыслью наконец уснул.

4

Проснулся Николай, едва только забрезжил рассвет и запели первые петухи. Он долго лежал с открытыми глазами. Потом снизу послышалось, как Эн загремела ведрами, наверно, пошла во двор доить коров (их было две). «Как на Земле», – подумалось ему. Вспомнилось, как в детстве ездил он в деревню к тетке, так же по утрам кричали петухи, тетка выгоняла со двора корову... а по селу с мычаньем проходило стадо... щелкал кнутом пастух... Эти воспоминания, эта похожесть снова повернули его мысли на философский лад.

Оказывается, Создатель, которого считают на Земле Богом, как пишут в священных книгах, создал жизнь и человека «по образу и подобию своему» не только на одной Земле, но и в бесконечной Вселенной. Создатель един во всей Вселенной, и поэтому во многих удаленных от Земли уголках нашей Вселенной люди оказались одинаковы не только по внешнему виду (и значит не правы земные фантасты, показывающие в своих фильмах каких-то монстров), но, наверно, он вложил в них и все другие качества, присущие нам, землянам, а именно достоинства и пороки. Значит, и жизнь на наших планетах развивалась по схожим законам. Правда, местная цивилизация, наверно, опередила нашу, она постарше, но все равно, раз люди одинаковы, и здесь встретятся ему и подлецы, и честные люди и они также радуются и страдают. Только по-прежнему непонятно было ему: с какой целью переместили его сюда, а цель, безусловно, есть.

Уже совсем рассвело. Внизу стукнула дверь, и послышался негромкий говор. «Авдей проснулся, пора и мне подниматься», – решил Николай. Он встал, заправил кровать, оделся и спустился вниз. Эн уже возилась на кухне, она заулыбалась и сразу начала говорить: «Проснулся? Доброе утро! Как спалось на новом месте?» Видно было, что она, как и все остальные нормальные женщины, мягко говоря, чтобы не обидеть читательниц, очень не любила молчать. Николай собрался ответить, но она не дала такой возможности и тут же продолжила: «Летом мы умываемся на улице, выйдешь и сразу налево, за углом под навесом умывальник, там и полотенце висит». Николай вышел и прошел за угол, под небольшим навесиком из стены дома выходил обычный смеситель и под ним раковина. Авдей уже умылся, они поздоровались, и он сказал:

– Давай быстрее умывайся, скоро будет рейсовая машина, поедем в центр тебя регистрировать. Пока он умывался, Эн позвала завтракать. На завтрак была жареная печенка и творожная запеканка. Кид еще спал.

Позавтракав, они вышли на дорогу и, пройдя пару домов, остановились ждать. Николай предложил: «Да мы бы и пешком могли дойти». «Скажешь тоже, – возразил Авдей, – деревня протянулась никак не меньше верст на пятнадцать, а то и больше, посчитай, сколько топать до центра». Потом он еще решил объяснить: «Сейчас посевная закончилась, машина ходит всего два раза в день, а в страду она курсирует каждый час, иначе как людей доставлять и перебрасывать по рабочим местам». Дальше, пока ждали, Авдей успел рассказать, что у них были и свои частные огороды, и государственные поля для обеспечения города. Дорога, проходившая вдоль деревни, была хорошо вымощена булыжником. С одной стороны дороги стояли дома с пристроенными к ним сзади скотными дворами, а с другой, где протекала река, стояли амбары и сараи. Между рекой и амбарами было пространство, занятое частными огородами и парниками. А вот выше, со стороны скотных дворов, находились государственные поля, а ближе к центру парники, на которых местные крестьяне обязаны были трудиться, за работу немного, но платили. Получался своего рода колхоз, председателем которого был староста, на него же возлагались и все управленческие функции. Он вел учет населения, распределял рабочую силу, рассчитывался за произведенную работу, имел связь с городом и обеспечивал ему поставки продукции.

Подошла, как ее называл Авдей, машина, это был электромобиль-автобус немного подлиннее нашей «Газели», но ниже ее, он имел с каждой стороны по пять двухместных сидений и общий сплошной ряд сзади. Пока добрались до центра, подобрали еще человек двадцать, на работу ехали и мужчины, и женщины. Мужики, едва поздоровавшись, тут же начинали обсуждать вчерашний футбол – выход нашей команды в финал. И вот что интересно, все мужики были одинаково одеты, такие же, как у Николая с Авдеем, кроссовки, штаны и куртки. И сами они все были почти одного габарита, не было ни коротышек, ни толстяков, ни худышек. Да, еще на голове нелепые странные бейсболки с коротким козырьком. У Николая невольно возникла мысль, что одеты они прямо как в наших тюрьмах и лагерях.

Подъехали к центру. В этом месте деревня прерывалась, и на площади примерно два на два километра находилось все колхозное хозяйство. Здесь были ангары для хранения сельхозтехники, заводик для переработки молока, птичник, еще какие-то помещения, а также и контора старосты.

Автобус остановился у крыльца конторы, люди вышли и разбежались по рабочим местам. Авдей с Николаем зашли в контору. Староста сидел за столом и общался по видеотелефону с какой-то женщиной. На противоположной стене размещался большой, метр на метр, экран, с которого эта женщина что-то ему надиктовывала, а он это записывал. Посмотрев на вошедших, староста рукой указал им на лавку. Они сели. Напротив двери, на стене, висела такая же картина, как у Авдея на кухне. Потом Николай узнал, что они, как иконы, находились у них в каждом доме.

Староста был очень пожилой мужчина, возраст которого Николай определить сам уже не решился, он уже несколько раз в этом ошибся, и потихоньку спросил Авдея. Ответ был – сто десять лет.

«Прямо планета долгожителей, – подумал Николай, – значит, у них не только техника, но и медицина на очень высоком уровне».

Закончив, староста обратился к посетителям:

– Знаю ваш вопрос, уже слышан, даже не хочу знать причину твоего желания перейти жить к нам, могу только приветствовать это желание. Авдей, может он пока пожить у тебя?

– Конечно, места хватит, – сказал Авдей.

– Есть еще вариант с жильем, – обратился староста уже к Николаю – У нас есть вдова, в прошлом году у нее в городе убили мужа, надо узнать, может, возьмет она тебя на постой за недорогую плату. Она живет вдвоем с маленькой дочерью, все-таки мужик в доме всегда пригодится, гвоздь забить или еще для чего... – при этих словах он посмотрел на Николая, озорно прищурился и подмигнул ему.

Потом достал из стола толстый журнал и сказал: «Ну а пока давай тебя регистрируем, иди сюда, как звать-то тебя и сколько лет?» Николай ответил и подошел к столу.

– Тебе присваивается номер одна тысяча сто семнадцать, обязательно запомни его, между прочим, это освободившийся номер убитого мужа Яны, распишись здесь, – и он указал на записанную им последнюю строку и графу для росписи.

Там стояли цифры и слова, наверное, его имя и номер. Местной грамоты Николай пока не знал, он просто взял и скопировал свое имя с написанного старостой. Он только подумал: «Как странно, ни фамилии, ни отчества у них нет, только имя и номер».

– Теперь скажи, на каком месте ты бы хотел работать?

Николай не представлял, что ответить, и спросил:

– А какие есть места?

– Везде рабочие руки не лишние, смотря к чему у тебя склонность есть: если любишь землю – полевые работы или в парниках, животных любишь – пастух нужен и конюх, технику любишь – механизатором или перевозчиком.

– А что перевозчик делает? – спросил Николай.

– Заказы развозит в город и еще кое-куда.

«Во, как раз по специальности устраюсь здесь, вспомнив, что он таксист», – про себя обрадовался Николай, а вслух сказал:

– Хочу перевозчиком.

– Зря парень, опасная это работа, город – это не у вас в лесу и даже не у нас в деревне, там совсем другие нравы, вот как раз Янин муж был перевозчиком, а его в городе убили.

Николай был городским жителем, и все перечисленные старостой деревенские специальности его совсем не устраивали, поэтому он, стараясь быть убедительным, сказал:

– Я постараюсь быть очень осторожным, если одного убили, это не значит, что всех будут убивать, потом, кому-то надо работать перевозчиком, а я очень хочу.

Староста смотрел на него, с сомнением качая головой, но все же согласился.

– Ну раз не боишься, смотри сам, я тебя предупредил. Управлять машиной ты, конечно, не умеешь, но это небольшая проблема, легко научишься. Теперь перевозчика замещает мой внук, несколько раз съездите вдвоем, обучишься и заодно точки изучишь. Вот как раз сегодня получил большой заказ, – староста кивнул на экран, – на доставку ранних овощей на послезавтра. Приезжай в контору утренним автобусом, тебя будет ждать мой внук, загрузитесь, и начинай работать. А сейчас получи аванс пятнадцать рублей.

Он достал ведомость и велел расписаться. Потом отсчитал ему семь бумажных рублей и бросил на стол кожаный кошелек, типа кисет, в котором, как он сказал, еще восемь рублей мелочью.

– Это пригодится в городе, в столовую сходить или еще на что-нибудь, – посоветовал он.

– Два дня пока поживешь у Авдея, а после командировки посмотрим, пока будешь в отъезде, я сам попробую договориться с Яной, думаю, рубля за четыре в месяц она согласится тебя взять на постой. Ну, с тобой все.

Потом он обратился к Авдею:

– Слушай, Авдей, заказ на овощи очень большой, завозить нужно аж в три точки, у нас в колхозе столько не набирается, придется обратиться к частникам, у тебя что-нибудь есть? Расплатимся в получку.

– Это вопрос к Эн, но, кажется, ящика по два помидоров и баклажанов наберется. Баклажаны у Эн всегда выходят отличные.

Пусть читателя не смущает, что все названия овощей, да и вообще все остальные названия в дальнейшем рассказе Николая идентичны нашим. Он объяснил это тем, что во-первых, они и по виду, и по вкусу были тождественны нашим и, во-вторых, нам так будет понятней, он сказал: «Зачем вам забивать голову, ведь не на курсах изучения языков вы здесь сидите», – и мы с этим согласились. Я уверен, что и читатель в этом с нами будет солидарен. Ведь вот тут же в его рассказе вышла заминка, Николай никак не мог придумать или вспомнить название прибора, по которому староста обратился к жителям деревни с просьбой приготовить кто сколько может ранних овощей. Николай замялся и начал объяснять нам, что староста нажал у себя на столе кнопку, в результате во всех домах деревни прекратили работать телевизоры и прозвучало обращение старосты.

А как Николаю нужно было назвать этот прибор, чтобы нам сразу все стало бы понятно? Не абракадабра же? Или какая-нибудь латифундия.

– Селектор, – неожиданно при этой заминке выскочил наш пансионатский «ученый» – шахматист.

– Во, правильно, – поддержал его хохмач-доминошник и, заметив, что тот уже стал очень заинтересованным слушателем, потихоньку ехидно добавил рядом сидящим: – Исправился.

В общем, согласовано было всей пансионатской аудиторией и рекомендовано, не стесняясь, называть вещи проще и понятней по-русски, колхоз так колхоз, получка так получка, огурец так огурец. Многие предложили также и имена пусть уж будут русские.

После такой нашей рекомендации рассказ Николая продолжался уже без заминок.

Закончив свое оформление на работу, Николаю захотелось ознакомиться с местной инфраструктурой коллективного хозяйства, а Авдей вызвался провести его по всем отделениям. Староста одобрил это, но предупредил, чтобы поторопились, если хотят попасть домой раньше вечернего рейсового автобуса, через полтора часа от конторы отправится грузовой фургон собирать овощи и может их захватить.

Они в темпе прошли по молочному заводу, затем посетили все животноводческие помещения: свиноферму, птицеферму, большое помещение для крупного рогатого скота и

поменьше для мелкого. Все это не очень интересовало Николая, он только отметил, что везде было очень чисто, все механизировано: и уборка, и доставка кормов, и дойка. В основном здесь, в центре, были сосредоточены и колхозные парники: они располагались в верхней части площади. Сквозь их стеклянные стены виднелись несколько работников. Туда наши экскурсанты из экономии времени решили не заходить. Зашли в магазин – это был обычный сельский магазин, где продавали все: мясо, бакалею, электротовары. Николай заинтересовался и чуть не купил мобильный телефон – все они были по четыре рубля и работали от батареек, которые нужно было менять всего один раз в два-три года, и никаких подзарядок. Его остановил Авдей: усмехнувшись, он сказал:

– Погоди пока, сначала обживись, кому тебе звонить, а деньги еще пригодятся.

Посмотрев на него, Николай согласился и похвалил, он сказал:

– Ты хороший практик, – и чтобы не обидеть, про себя не зло юморнул: – Не зря тебя учили целых два года.

Задержались они лишь в ангарах с техникой: там стояло штук пятнадцать колесных электротракторов, несколько комбайнов, разные прицепные устройства, культиваторы и тому подобное, а также две очень крупные и странные машины. Они были похожи на цистерны, стоящие на шести небольших колесах, по три с каждой стороны, у одной из них была откинута вниз задняя стенка, и открывался вид на вместительное помещение.

– А это что за агрегаты? – спросил Николай у Авдея.

– Это как раз то, на чем ты будешь перевозить грузы на склады в городе.

– Мне кажется, такие махины, да еще на небольших колесах, не очень удобны для перевозок, ведь у вас, по-моему, и дорог-то хороших не видно, – заметил Николай.

– А дороги и не нужны, это универсальные машины, на воздушной подушке, они пройдут и по бездорожью, и по болоту, по глубокой воде, втянув колеса, могут плыть, как катер, и по воздуху на большой высоте полетят.

Николай удивился:

– Как самолет что ли, ведь у них даже крыльев нет?

– При необходимости каждая боковая стенка машины может вытянуться, принять треугольную форму и образовать крыло и даже если придется садиться где-то в лесу на небольшую площадку, то сверху можно выдвинуть винт.

Николай подумал, что ему уже пора перестать удивляться, явно, что в технике они здорово опередили нас. Вероятно, тогда в лесу был не мираж, а мимо него пролетела именно такая машина. Он только засомневался:

– А смогу ли я научиться управлять такой сложной машиной?

– Как раз в управлении она очень проста, – успокоил Авдей, – освоишь за один раз.

Они сели в кабину. В ней было три сиденья впереди и три сзади. Слева на месте водителя находилось рулевое колесо – это для езды по дороге на земле. При движении в других режимах у сиденья с правой стороны, на квадратном возвышении, находилась маленькая панель, на которой были расположены пять тумблеров. Вот этими тумблерами осуществлялось все управление и в воздухе, и на воде, и на воздушной подушке. Тумблеры сидели на панели в расположенных крестообразно пазах и могли перемещаться вперед, назад, влево и вправо. Для каждого режима свой тумблер. Например, если машина плывет, как катер, по воде и надо прибавить скорость, то перемещай тумблер вперед, если надо повернуть налево, соответственно и тумблер надо переместить туда же, остановиться надо – тумблер назад. И так в каждом режиме. Никакого щитка с приборами не было и в помине. Впереди на сплошной торпеде был только экран телевизора да несколько почти незаметных непонятных кнопок.

Авдей в настоящее время работал в колхозе механизатором, а когда-то давно полгода поработал перевозчиком на этой машине. Но все попытки Николая узнать у него подробней

устройство и принцип работы машины натыкались на одно слово: «Не знаю» или «А зачем мне это знать».

Почти то же потом было и с Антоном (так звали внука старосты). Единственное отличие – когда Антон уже устал от приставаний Николая по поводу управления, он изрек: «Значит программа у нее такая!» И еще, когда они уже летели, Николай специально сделал испуганный вид и сказал: «А вдруг какая-нибудь деталь двигателя из-за износа металла или по какой другой причине выйдет из строя и мы упадем на землю и разобьемся». Антон рассмеялся и сказал: «Вот придумал, какой износ, все сделано из вечных сплавов, они не изнашиваются и не ломаются. И даже твой невероятный случай предусмотрен и заложен в программу, в этом случае у машины сверху выдвигается винт и она пойдет как вертолет, у нее для каждого режима свой двигатель».

Еще он смог выяснить, что те три двигателя, которые работают в режиме обычной машины, катера и вертолета, электрические, работают, как и вчерашний мопед Сашка, от двух мощных аккумуляторов. А вот принцип работы двигателей самолета и на воздушной подушке его учителя и сами совсем не представляли. Правда, Антон, даже сомневаясь в целесообразности постановки такого вопроса, все же попытался порассуждать на эту тему и сказал: «Видишь спереди пропеллер, но это лишь вспомогательное устройство, а главное, – предположил он, – это электромагнитные волны, как-то засасывая и концентрируя воздух, образуют мощные завихрения и, выталкиваясь под колоссальным давлением, двигают машину». (Николай к такому объяснению, конечно, отнесся скептически.) А Авдей, просто слегка перефразировав свое изречение, сказал: «Зачем мне над этим ломать голову».

Авдею не хотелось опоздать на попутный фургон, поэтому он поторопил Николая. Они вышли из ангара и направились к конторе. Там уже стоял трактор с прицепленной к нему тележкой, загруженной пустыми деревянными ящиками. Над тележкой была легкая брезентовая крыша, а в кузове несколько скамеек, наверно, поэтому ее и называли фургон. В нем уже сидели две женщины.

Из конторы вышел староста и двое мужчин, один из которых был водителем, а другой оказался попутчиком. Староста сел в кабину, а мужики влезли в фургон. И тронулись.

Авдей, видно, был уважаем сельчанами, ведь его сын играл в футбол за сборную, и севший с ним попутчик увлеченно заговорил с ним на спортивную тему. Женщины, до этого оживленно болтавшие, примолкли и, с любопытством посматривая на Николая, перешептывались. Слух о перешедшем к ним старовере уже разнесся по деревне.

Николай с интересом рассматривал окружающий их пейзаж. Одинаковые просторные дома с примыкавшими к ним скотными дворами, за ними зеленели квадраты полей с уже взошедшими злаками. Промежутки между квадратами были метров по пятьдесят, и в них уже зацветали колхозные сады. А еще дальше снова начинался лесной массив.

– Интересно, – почему-то пришло в голову Николаю, – а где же у них находится кладбище? Где они хоронят умерших?

Фургон остановился: здесь жил староста. Он сошел и, когда они уже трогались, крикнул:

– А тебя, Николай, жду послезавтра, не опаздывай!

– Хорошо.

Глаза у женщин тут же загорелись любопытством, и одна из них спросила:

– А куда же тебя определили?

Николай собрался ответить, но его опередил Авдей, который, прервав разговор с попутчиком, с улыбкой сообщил им:

– Благодетелем вашим его назначили, будет из города получку вам привозить.

– Да-а-а?! – одновременно протянули обе женщины с какой-то уважительной и даже в некоторой степени подхалимской интонацией.

– Неужели перевозчиком будешь? – добавила одна из них.

Это, очевидно, была здесь самая элитная специальность. Из деревенских очень редко кому приходилось бывать в городе, еще точнее сказать, почти никому. Иногда перевозчику заказывали привезти что-нибудь из города, чего не бывало в местном магазине, чаще это делали женщины. Теперь с еще большим интересом они стали на него поглядывать, а одна любопытствовала:

– А почему ты ушел от своих и перешел к нам?

Чувствуя такой повышенный интерес к своей персоне, Николай решил пококетничать и ответил:

– Надоело сидеть на одном месте, потянуло попутешествовать, захотелось увидеть новых людей, узнать их обычаи. Такой ответ еще больше поднял его в глазах местных провинциалок. Дальше Николай, воспользовавшись эффектом произнесенных слов, спросил:

– Вот меня интересует, где и как вы хороните умерших родных?

Этот вопрос привел женщин в замешательство. Они удивленно переглянулись, помолчали, и потом одна сказала:

– А мы никого и не хороним, у нас никто не умирает.

Конечно, это сначала очень удивило Николая, но потом он подумал, что, наверное, их медицина научилась преодолевать все болезни и от них никто не умирает, но от старости ведь не вылечишь, и он сказал:

– Но ведь старые люди все равно, в конце концов, умирают.

Тут вступил в разговор попутчик:

– Никто у нас не умирает, а старым людям, когда приходит время, бог подает знак, и они уходят к нему в другую, еще более счастливую жизнь. А вот ваш бог не такой сильный и добрый, вы ему верите, а он не заботится о своих людях. Когда я еще учился в школе, помню, учитель рассказывал, что староверы зарывают старых людей в землю. Сознайся – это правда?

Эти слова попутчика произвели на Николая странное действие, он смотрел на него и на них всех, как бы опешив, пропустил вопрос, совсем не собираясь отвечать, и думал: «Это ж сколько времени нужно долбить по мозгам, чтобы убедить их в бессмертии. Неужели они настолько одурочены, что верят в счастливую загробную... хотя не так, не загробную, а другую жизнь, ведь гробов они, естественно, не видели, не знают, и значит (о, несчастные!) отсутствует в них, по словам поэта, «любовь к отеческим гробам». Вот почему здесь нет ни фамилий, ни отчества, один лишь номер».

Много позже Николай узнал, что было такое место, куда привозили людей, получивших «знак» от бога (а знаком являлась степень немощи, которая уже не позволяла работать, то есть наш пенсионер), где следовала эвтаназия и затем крематорий. Некоторые осведомленные люди (интеллигенты, разные, и хорошие и плохие, позже встретившиеся ему в городе) с циничной иронией метафорически называли это место «вратами в рай».

Фургон остановился, попутчик и обе женщины, так и не дождавшись ответа Николая, вышли: их дома стояли рядом. Молча доехали до конца. Николай помог погрузить Авдею приготовленные Эн овощи. Потом сели обедать.

Вроде бы ничего не значащий разговор по дороге в фургоне отрицательно повлиял на настроение Николая. Первоначальный интерес к этим людям уступил место некоей разочарованности. Николай всегда уважал умных, интересных людей, ему нравилось общение с ними. По роду своей профессии (как вы помните, таксиста) ему часто приходилось встречать таких. А здесь, видимо, в этом смысле его ждет разочарование. Много хотелось узнать о жизни этой странной планеты. Особенно об ее политическом устройстве и управлении ею. Но у кого спросить? Примитивность ответов местных жителей с вероятной точностью уже угадывалась Николаем: или традиционное для них «не знаю», или внедренные в них мифы, например, о второй счастливой жизни, или об их козлорогом всемогущем боге. Вот и сейчас, во время обеда, по телевизору шел сериал, в котором проходила пустая череда событий, а Авдей с Эн с живым,

каким-то детским интересом обсуждали нагромождение этих событий. Николай уже понимал, что задай он им вопрос чуть повыше определенной планки, удовлетворительного ответа он все равно не получит. Скучно так жить будет. Одно утешение: послезавтра в городе его ожидают новые впечатления. Скорее бы уж наступало это послезавтра.

Полтора дня Николай провел в нетерпеливом ожидании, не зная, как убить время. Попробовал сначала посидеть у телевизора. Как раз началась передача под рубрикой «Уроки жизни». Такие передачи шли в течение получаса почти после каждой серии фильмов. Учили, как жить, чтобы не гневить бога. Учили всему: как питаться, немного о сексе, говорили, что в семье должно быть 2–3 ребенка, о многом другом. А также об обязательном послушании и подчинении этим законам жизни. И очень много и подробно, с примерами, о неотвратимости наказания за нарушение законов. Причем говорили, совсем не утруждая и себя и слушателей объяснениями, почему так, а не иначе, просто вдалбливали как законы, не подлежащие сомнению. Наверное, такая ежедневная, вековая долбежка, при отсутствии других источников знаний, должна была дать хороший результат – и, похоже, дала: она впиталась в кровь и вошла в гены. Да, так и есть. Они довольны собой, никогда ни в чем не сомневаются, знают все, что положено, и живут механически. Поел, ночью пожил с женой, поспал, проснулся, снова поел – нет, не поел, а правильно, не переедая, напился, поработал, посмотрел телевизор... и пошло по новому кругу.

Передача закончилась, и Николай вышел на улицу. Остаток этого дня он просто прослонялся по округе.

На следующий день помог Авдею исправить покосившийся сарай, потом пошел с Кидом и другими ребятами поиграть в футбол. На краю деревни, как раз за домом Авдея, было импровизированное футбольное поле, правда, меньшего размера, но достаточно ровное. Иногда там проходили местные футбольные баталии. Пришли поиграть еще пятеро взрослых мужиков. Получилось две команды по восемь человек, в каждой по трое взрослых и по пять пацанов, но не совсем пацанов, им было по 15–17 лет, и Кида, к его огорчению, в этот раз не приняли.

Николай хоть давно не играл, но навыков не утерять. В молодости, играя за профессиональную команду класса «Б», он слыл очень техничным игроком. А сейчас помолодевший и чувствовавший себя, как вы помните, семнадцатилетним, он творил на поле чудеса.

Здесь была и небольшая группа болельщиков. Человек пятнадцать взрослых, в основном временно свободные механизаторы (посевная закончилась, а первый сенокос еще не начался), было даже несколько женщин и, конечно, человек тридцать-сорок пацанов. В общем, шум и свист стоял почти как на настоящем стадионе. Трибун не было, но три ряда скамеек стояло.

Ловкость и техника Николая вызывала восторг зрителей, даже несмотря на то, что он старался не особо отличаться, играл осторожно, как говорится у профессионалов, в полноги, чтобы не обнаружить свои недавно приобретенные физические качества.

Каждый человек, будучи уже в солидном возрасте, иногда ловит себя на мысли: «Эх, мне бы сейчас семнадцать лет!» Особенно если это бывший спортсмен, и, представьте, вдруг эта мечта осуществляется, с каким вдохновением этот человек предавался бы любимому делу, а во времена Николая в футбол играли не за деньги, а из любви к нему.

Он действительно очень любил футбол, был талантлив и сожалел, что из-за травмы колена совсем рано закончил играть и не достиг высот, достойных его.

Николай вспоминал и применял все свои прежние финты. Все получалось даже легче и изящней, чем в прежние времена его натуральной молодости. Он упивался игрой, как любой человек, внезапно обретший, казалось бы, уже несбыточную ностальгическую мечту. Он понимал, что нельзя было ему сильно отличаться своей необычностью от других игроков, поэтому не старался забивать голы сам, а получал удовольствие в других действиях, не столь заметных непрофессиональному взгляду болельщиков. Игра закончилась крупной победой команды

Николая, 16:3, причем сам он забил всего пять голов, остальные, почти все, были забиты при его непосредственном участии.

Эта игра хоть как-то подняла настроение Николая. После ее окончания его окружили болельщики и сами игроки, все старались с ним заговорить, восхищались, одобрительно хлопали по плечу. Такого мастерства они от него увидеть не ожидали, и авторитет Николая вырос на глазах. Все уже знали, что он старовер, что с завтрашнего дня он начинает у них работать перевозчиком.

Авдей тоже присутствовал на игре, только пришел немного позже, и домой пошли вместе. Кид остался еще погонять мяч.

Вымывшись в душе после игры, Николай опять застал супругов за просмотром сериала.

– Опять кино? А что-нибудь другое бывает? – спросил он.

– А что тебе еще надо? Вот вчера ты смотрел «Уроки жизни». Ну иногда концерты показывают, юморинки разные смешные бывают, – объяснил Авдей.

– А какие-нибудь новостные передачи?

– Новости нам тоже сообщают каждые десять дней. Вот как раз сегодня вечером они должны быть.

Николаю не хотелось сидеть с ними около телевизора, но новости его заинтересовали, и он спросил: «Пойду прогуляюсь, а не пропущу ли я эту передачу новостей?» Авдей, недовольный, что его отвлекают от интересного фильма, махнул рукой и скороговоркой сказал: «Иди, иди гуляй, никак не пропустишь, приходи к ужину, а передачу всегда повторяют три раза подряд, в девять, в десять и в одиннадцать часов, она идет по десять минут, причем сразу по всем каналам.

Николай, нагулявшись, пришел как раз к ужину. Уже начинало темнеть, и Кид тоже был дома. Все вместе поужинали и сели смотреть новости.

На экране появилась молодая красивая дама, приветливо поздоровалась и сказала: «Передаем новости второй республики».

Исключая долгосрочный прогноз погоды и прочее несущественное, вот вам два главных (на взгляд автора) сообщения. Сам автор, конечно, их не слышал, поэтому не отвечает, смог ли Николай дословно точно их воспроизвести, привожу их в его интерпретации.

Сообщение первое:

«Сообщаем, что по всей республике полностью закончился сев. Бог наш всевидящий и всемогущий за наше послушание правителям нашим, поставленным им управлять нами, даровал нам благоприятную погоду. Возблагодарим же правителей наших за то, что простили нам многие грехи наши и проступки, совершенные нечаянно, а не по мысли подлой, и не нажаловались богу нашему».

И второе сообщение:

«В прошлом месяце мы рассказывали, что в шестой республике раскрыт антигосударственный заговор. Арестована группа в количестве десяти человек. Они выступали против уклада жизни нашей, против священных законов наших, против правителей наших, поставленных над нами. Сообщаем, что на прошлой неделе состоялся суд. Все десять преступников приговорены к высшей мере – лишению жизни.

По гуманности правителей наших, способ лишения жизни разрешено им выбрать самим. Все отказались от повешения. Двое предпочли расстрел. Остальных пришлось посадить на электрический стул».

«Ага, оказывается, не все так гладко в королевстве нашем, далеко не Датском, – подумалось Николаю, – это уже становится интересней, посмотрим завтра, что за жизнь у нас в городе. И что это за правители». Много позже Николай узнал, что для интеллигентов существовал другой вид казни, более устрашающий, о котором простым людям старались не говорить, зато он был хорошо известен тем, кому предназначался.

5

Когда на следующий день Николай приехал утренним автобусом на работу, на крыльце конторы его уже ждал староста. Увидев вышедшего из автобуса Николая, он спустился с крыльца, поздоровался и сказал: «Пойдем, я представлю тебя Антону. Остальное все решай с ним, все вопросы к нему, он все знает, теперь он твой наставник». Они направились к ангару, из ворот которого вырливал уже известный Николаю перевозочный агрегат. Поравнявшись с ними, он остановился, с его подножки соскочил совсем молодой парень (ему было всего двадцать лет), очень привлекательный, рослый, со светлыми прямыми волосами. В его больших серых глазах заметен был живой интерес, какая-то добрая искра зажглась в них и не угасала, а светилась во все время обмена взглядами, при рукопожатии. Николай почему-то сразу почувствовал к нему определенную симпатию. Чем-то неуловимым отличался он от остальных роботообразных сельчан, с которыми пока пришлось общаться в этой деревне.

Староста, познакомив их, тут же напутствовал добрыми пожеланиями и со словами: «Давайте грузитесь и в путь, а через пару дней жду обратно», – отправился в контору.

Антон предложил Николаю сесть на место водителя, но Николай запротестовал, мотивируя тем, что ему сначала надо присмотреться. Но Антон настоял, в приказном порядке он сказал: «Давай, давай, ничего не бойся, я рядом, а пульт управления у нас обоих под рукой, он как раз между нами, так быстрее освоишься». Он первым влез в кабину и пересел на место пассажира. Пришлось Николаю сесть за руль.

«Заводи, сначала надо погрузить в холодильник мясо, а потом загрузимся овощами, хорошо бы успеть все сделать до обеда», – приказал Антон и коротко объяснил и показал, как заводится и управляется эта машина. Управлять ею оказалось действительно очень просто. На колонке руля была заводная кнопка. Николай нажал ее, и машина завелась. Никаких скрежетов стартера или привычных ему шума и легкой тряски от работы двигателя не послышалось, только зажглась зеленая лампочка на панели.

– Все, теперь трогай, – сказал Антон, – вот этот нижний тумблер потихоньку перемещай вперед. Видишь, он сейчас зафиксирован в центре паза – это нейтралка, а если понадобится подать назад, значит и тумблер назад. Николай слегка двинул тумблер вперед, и машина тронулась. Площадь, в отличие от дороги вдоль деревни, оказалась не бульжной и потому ровной. Она была залита раствором, напоминающим то ли асфальт, то ли какой-то шершавый пластик, поэтому двинулись абсолютно бесшумно. Через некоторое время Антон беззлобно, а наоборот, подбадривающе прикрикнул: «Ну что ты тащишься, давай прибавь!» Ему, как и подобает опытному наставнику, хотелось быстрее придать уверенности Николаю, и он внимательно наблюдал за ним.

Знал бы он, как Николай по Москве, в гололед, на изношенной лысой резине, в интенсивном потоке машин, уверенно лавируя и обгоняя, перевыполняя план, накручивал в смену до четырехсот километров.

Вспомнил это, и его губы невольно тронула усмешка, и он передвинул тумблер вперед, потом еще... и еще... Машина быстро набирала ход. Они приблизились к отдельно стоящему двухэтажному зданию магазина. Уже прямо перед ним Николай правой рукой, лежащей на тумблере, слегка снизил скорость, а левой, держащей руль, залихватски вырулил и объехал вокруг магазина, потом тут же снова прибавил скорость. Антона на повороте болтануло так, что ему пришлось локтем завалиться на соседнее третье пассажирское кресло. Он выпрямился, изумленно посмотрел на Николая и произнес:

– Ловко ты... – И, помолчав, добавил: – Где же ты?... не может быть, что ты первый раз сел за руль!

Из какого-то баловства, решив поинтриговать (все равно истина была бы невероятна и не откроется), Николай ответил:

– Конечно, не первый, этому я научился у нас в лесу, ты не знаешь многого другого, чему я еще там научился.

– Да уж слышал, что и в футбол у вас здорово играют, – сказал Антон. – Кстати, завтра мы должны быть в городе Центральном, а там будет проходить финальный матч, можем сходить, если успеем разгрузиться.

– Отлично, давай сходим, посмотрим, значит, нам надо торопиться, куда подъезжать-то, а то за разговором сейчас уже на второй круг пойдем.

– Да подъезжай к скотному двору, видишь в середине его пристройка – это забойный и разделочный цех, здесь мы погрузим мясо.

Николай подъехал и остановился около ворот цеха. Антон, вылезая из кабины, сказал: «Сейчас схожу посмотрю, все ли у них готово».

Николай тоже вышел и по шоферской привычке стал осматривать машину. Его заинтересовали несоизмеримо маленькие колеса, причем всего по три штуки с каждой стороны. Масса и длина всего этого агрегата была очень большой, получалась почти настоящая фура, но не КамАЗ конечно, а примерно ГАЗ-53 с крытым кузовом. Но все равно у нас весь этот груз стоял сзади на массивном мосту и аж четырех больших колесах плюс такой же мост в середине, да еще два колеса впереди. Всего получается десять. А здесь, прямо невероятно, на шести небольших, очень подмывает сказать: колесиках. Каким же прочным и легким должен быть металл, ведь машина еще и полететь должна, прямо не верится. Невольно позавидуешь их сплавам и материалам.

Открылись ворота, и вышел Антон вместе с уже знакомым Николаю Сашком (он работал в этом цехе бригадиром разделочников). Николай с Сашком поприветствовали друг друга.

– Все готово, – сообщил Антон Николаю. – Я сейчас схожу в ангар за погрузчиком, а ты продвинь вперед, чтобы освободить для него место.

– Погоди со своим погрузчиком... – И обращаясь уже к Сашку: – Покажи, что грузить-то и много ли?

– Как и заказывали, забили девять телят и четыре кабанчика, вот они, – ответил Сашок и показал на открытые ворота цеха.

Там на крюках, прямо у ворот, висели уже приготовленные к погрузке туши.

– О... о!.. да тут рядом, зачем нам погрузчик, мы так быстрее перетаскаем.

– Ты что, зачем надрывать, – начал возражать Антон, – да и не осилишь, они, небось, килограмм по двести пятьдесят, а то и больше, для этого есть техника.

Николай подошел к крайней туше, снизу одной рукой, как бы взвешивая, попробовал слегка приподнять и понял, что ему не составит труда ее перенести.

Глупо, конечно, но какая-то досада на этих полуграмотных «технарей» и нелепая обида за образованных землян сыграла роль, и он сказал:

– Это у вас цивилизация, вы, технари, только и знаете, что на кнопки нажимать, а мы люди привычные, у нас в лесу все пердячим паром делается.

Сашок рассмеялся этой попытке репризы в петросяновском стиле. Антон тоже улыбнулся, но скептически, и сказал:

– Ну давай, попробуй, испытай силу своего такого пара.

Прямо за воротами на стене цеха висели два кожаных фартука.

– Я надену один? – спросил Николай у Сашка.

– Конечно, конечно, – в предвкушении конфуза Николая разрешил с ехидной улыбкой Сашок и еще, сняв с себя рукавицы, протянул их ему.

– А ты что стоишь лыбишься, открывай агрегат, – надевая фартук, деловито зыркнул Николай Антону.

Тот, хоть и предполагал бесполезность затеи, все же подошел и повернул на задней стенке машины небольшой рычажок. Стенка медленно откинулась вниз до земли, образовав удобный настил с двумя ступеньками.

Николай подошел к висевшим тушам, приобнял сразу две, присел и приподнял, чтобы освободить крюки от балки, потом, взвалив обе на плечи, спокойно понес. Подходя к настилу, сказал, обращаясь к Антону:

– Опять стоишь, рот открывши, показывай, куда укладывать.

– Сейчас, сейчас, – засуетился Антон и, опередив Николая, взбежал по ступенькам настила внутрь.

Холодильников было два, располагались они в передней части салона по обе стороны и были очень большие, обе туши поместились на одной полке. Не обращая внимания на изумление Сашка с Антоном, Николай быстро перетаскал все туши и разместил их в холодильниках. Затем снял рукавицы и фартук, передал Сашку и с улыбкой обратился к Антону:

– Ну что, пойдешь за погрузчиком?

– Ладно уж, признаю, твоя взяла, – с виноватым видом произнес Антон. – Кто вас знает, староверов, на что вы еще способны.

– Да уж, тренируемся постоянно.

Потом они подогнали машину к парникам, там тоже уже почти все было готово к погрузке. Около парников уложено было несколько рядов ящиков с овощами, и работницы продолжали их выносить. Антон открыл им заднюю стенку-дверь и показал порядок укладки. Загрузились намного раньше полудня.

– Ты есть хочешь? – спросил Антон.

– Да нет, вроде рано.

– Тогда поехали, нам сегодня в двух местах надо разгрузиться и еще в Наш город надо успеть колхозную зарплату получить – в городе и пообедаем.

– Ты сказал, что на футбол ходим, – напомнил Николай.

– Вот и надо поспешать. Футбол-то завтра в городе Центральном, а у нас последняя точка на складе между этим городом и правительственным поселком. Он расположен в пятидесяти километрах от города, а склад находится как раз посередине между поселком и городом. Я все это не зря тебе рассказываю, запоминай, это наши постоянные точки. Еще пару-тройку раз я с тобой съезжу, а потом сам будешь развозить.

Ну вот, чтобы попасть на футбол, дальше план такой: оставляем после окончательной разгрузки машину на стоянке около склада, а сами на автобусе, а лучше на такси (двадцать пять километров – это примерно рубль) едем в город, сначала устраиваемся на ночлег, потом едем на стадион за билетами, но скорее всего их уже раскупили, тогда я звоню сыну Авдея Нико, а это мой друг, мы с ним еще в школе вместе учились, он нам достает две контрамарки, и мы спокойно вечер гуляем и развлекаемся в городе.

Довольный Антон, ожидая одобрения, спросил:

– Ну, как план?

Вместо одобрения Николаю к месту вспомнилась пословица:

– Это хорошо бы, но у нас... – начал он и запнулся, но тут же нашелся: – В лесу говорят: «Гладко было на бумаге, но попали на овраги».

– Как это? – не совсем уяснил Антон.

– Это образное выражение, оно означает, что не всегда такие радужные и пространственные планы обходятся без сбоя, а частенько их подстерегают неожиданности, – пояснил Николай.

Не зря он, впервые увидев Антона, заметил в его глазах какое-то отличие от остальных сельчан. Вот и сейчас тот задумался, оценивая сказанное, и сказал:

– Меткое выражение: на этих наших точках сидят такие волокитчики, всегда приходится ждать.

– Ну вот, значит, я этим выражением попал не в бровь, а в глаз, – продолжил знакомство Антона с русским фольклором Николай.

Антон, подумав и осмыслив и эту пословицу, одобрительно покачал головой, улыбнулся и сказал:

– А у вас там, в лесу, не дураки живут.

– Теперь, наверно, уже пора приступить к выполнению наших планов, – решил поторопить его Николай.

– Да, да, поехали, поехали, – поспешно согласился Антон.

Они уселись в машину – теперь уже сам Антон сел за руль.

– Теперь я поведу машину, а ты учись, – сказал он.

Потом завел ее и начал выруливать вверх по площади, где из села вела длинная дорожка, залитая таким же составом, как площадь.

«Взлетная полоса», – подумал Николай.

Антон передвинул нижний тумблер вперед до упора. Машина быстро разогналась, и он, взявшись рукой за теперь уже другой верхний тумблер, начал объяснять:

– Смотри, я слегка вытаскиваю его до небольшого щелчка, это фиксация того, что началось преобразование машины в режим самолета, длится это пятнадцать секунд. За это время выдвигаются крылья, и мы начинаем взлетать, потом механически убираются колеса, и мы уже летим. Видишь, как все просто.

Николай с некоторым напряжением наблюдал за взлетом. Он посмотрел в окно. Они совсем незаметно уже парили на небольшой высоте. Антон продолжал объяснять:

– Набор высоты у нас автоматически перешел к рулевой колонке. Вот потянули слегка ее на себя и, видишь, полезли вверх. Ею мы регулируем высоту полета. Дальше, как маневрировать? Раз мы движемся в режиме самолета, значит, первый тумблер у нас отключился и утерял свои функции. Возвращаем его в нейтральное положение и тоже слегка выдергиваем до фиксирующего щелчка. В результате теперь им можно осуществлять поворот.

Антон немного перевел тумблер вправо, и машина начала разворачиваться. Они уже на достаточное расстояние отлетели от деревни и теперь возвращались. Снова подлетели к деревне, к ее краю. Николай узнал двор Авдея и за ним футбольное поле. Антон продолжал пояснять:

– Я уже хорошо изучил местность и могу лететь по памяти. Но машина так устроена, что ты и любой другой может долететь до любой точки на автомате, совсем не зная местности. Есть несколько точек, они постоянны и никогда не меняются. Машина сделана давно, наверно, лет пятьсот, а может и тысячу назад, и эти точки запрограммированы. Наша деревня снабжает продуктами четыре города: Наш, Центральный, Северный и Озерный, да еще две непонятных точки. Никто не знает, что там, и на территорию не пускают. Вот здесь на торпедке находятся кнопки и под каждой надпись. Вот они все шесть кнопок, ты их, наверно, и не заметил. Сегодня у нас с тобой первая точка – город Наш, нажимаем кнопку, и машина пошла в автоматическом режиме. Все, хочешь включай телевизор, а хочешь спать ложись.

Довольный Антон откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Машина летела на высоте около километра с небольшой скоростью, примерно четыреста-пятьсот километров в час. Николай с удовольствием обозревал медленно проплывающий внизу пейзаж. Несмотря на то, что он был однообразен: небольшие холмы, поросшие лесом, и река, было красиво. Ярко светило солнце. Русло реки ширилось. Похоже, летели они в ту сторону, откуда он пришел в деревню, так сказать к месту его рождения. Скоро, наверно, покажется его «малая Родина», тот песчаный пляж, где впервые появился он на этот свет.

Но тут машина неожиданно накренилась и повернула в сторону от реки. Притворявшийся спящим Антон (Николай был уверен, что тот притворяется) мотнул в сторону головой, открыл глаза, «проснулся» и спросил:

– Что случилось?

Николай, решив поддержать игру, ответил:

– Пока ты спал, мы уже три круга сделали над деревней.

Антон, оценив юмор, рассмеялся.

В этом месте Николай задал вопрос, уже упоминавшийся автором ранее, о том, что вдруг что-то сломается, они упадут и разобьются. Если помните, на это Антон тоже рассмеялся и сказал, что все сделано из вечных сплавов, которые не изнашиваются и не ломаются. Николай продолжил задавать вопросы по устройству машины. Антон первый раз в жизни столкнулся с таким странным, на его взгляд, любопытством, видно было, что он с детства выучен был по принципу: «Ну летит и летит, зачем знать, как и почему летит?»

Николай никак не мог понять странных особенностей местных жителей: отсутствие стремлений к познанию, неспособность и, главное, нежелание думать.

Получается, что, достигнув высот цивилизации, процесс пошел в обратную сторону. То есть, по закону маятника, снова от человека к обезьяне. Что это: естественный и закономерный ход истории или это кем-то специально устроено, ведь недумаящим человеком легче управлять.

Раньше уже упоминалось, что Николай любил общаться с мыслящими людьми, в результате таких бесед, несмотря на свою необразованность (конечно, по земным меркам), приобрел склонность пофилософствовать.

И он думал, почему тут начинают учить детей только с десяти лет? Всем известно, что ребенок, родившись и едва начав говорить, постоянно задает вопросы: «а почему?.. а зачем?..». Наверно, это длится до определенного времени, когда он накапливает некоторый бытовой запас знаний, достаточный для повседневной жизни. Этот почемучковый период заканчивается примерно к десяти годам. Тогда уже ребенок хочет казаться большим и считает, что он, как взрослый, все познал, и интерес к узнаванию ослабевает, а если этот интерес никак не поощряется, то пропадает совсем. Остается только слегка подучить того же молодого Сашка, чтобы он потом, когда вырастет, вместо девяти телят не приготовил бы всего четыре. Очень похоже, что это действительно так, думал Николай, да, не дураки эти правители!

А Антон не мог понять любопытства Николая и начинал думать, что тот то ли действительно боится, то ли сильно заинтересовался, потому что у староверов никогда не было таких диких машин. Но Николай уже начал вызывать в нем какое-то необъяснимое чувство превосходства, причем несколько не навязываемое им, а само по себе возникшее. И, наверное, поэтому, из уважения, Антон дальше попытался как мог удовлетворить любознательность Николая. Он начал говорить, но чувствовалось, что объяснения эти не от профессиональных знаний предмета, а просто где-то когда-то случайно услышаны и забыты как лишние, так как благополучный полет машины не зависел от этих знаний – она все равно прилетит куда положено.

– Эта машина умнее человека – мы никогда не упадем, – успокоил он Николая. – Ты заметил над кабиной несколько антенн? Это ее глаза и остальные органы чувств, которых у нас с тобой нет. Она видит и чувствует даже самой темной ночью. Сама оценивает ситуацию, рассчитывает, определяет и даже прогнозирует. Она обойдет или пройдет даже через тайфун, а если определит, что сила тайфуна чрезмерна и ей не справиться, то сама приземлится и переждет его. Я уже не говорю о более простых вещах, например, попробуй направить ее специально вон в ту скалу – она не позволит это сделать.

Николай подумал, что это значит полностью исключается авария из-за человеческого фактора, и решил попробовать узнать у разговорившегося Антона про скорость:

– Я несколько раз видел с земли, что эти самолеты летают с очень большой скоростью, – сказал он. – Ты знаешь, каким образом она достигается?

Сначала Антон задумался, как бы вспоминая, и трудно, с паузами, начал объяснять:

– Эти вот... электромагнитные волны увлажняют и электролизуют воздух, концентрируют его вокруг машины... образуют мощные, колоссальные электрические завихрения, и машина обволакивается этой наэлектризованной плазмой... получается искусственно созданное и управляемое цунами, которое и несется вместе с машиной.

– Как это? – переспросил Николай. – Цунами бывает на море – значит оно связано с водой.

– Не знаю, так Даша сказала – наша учительница, вообще правильно, она так и говорила... что-то про воду... образуется наэлектризованная плазма из капель воды... и ее что-то такое там толкает... что-то связанное с магнитом. Да ну тебя, зачем это тебе? – заключил он.

Во время этой «лекции» Антона на его лице читалось напряжение, какое было бы у профессора, решившего пробежать сто десять метров с барьерами. Но потом напряжение на лице сменилось на удивление самому себе и, возможно, даже гордость.

Николай, удивившись и обрадовавшись этому неожиданному мыслительному проблеску, лишний раз убедился, что Антон, в отличие от своих односельчан, имеет острый ум, но нет, все же точнее будет сказать: ум, еще не окончательно заглушенный навязываемыми местным телевидением штампами и стандартами и готовый к восприятию нового, неординарного. «Хорошо бы взять над ним шефство», – подумалось Николаю. И дальше, желая поощрить его, спросил, как бы восторгаясь:

– Как ты хорошо объясняешь, как доходчиво! Значит, ты где-то это все изучал?

– Да нет, просто в конце позапрошлого учебного года, в марте, я отвезил домой в Наш город учительницу Дашу, и во время полета она мне кое-что объяснила.

Тогда Николай попробовал сыграть на самолюбии Антона и сказал:

– А тебе не обидно, что какая-то обыкновенная баба все знает, а тебе это недоступно. Что, ты глупее нее?

– Нельзя так про нее говорить, бабы это у нас в деревне, а она другая.

– Какая другая, что у нее две головы или ноги растут из другого места, или еще кое-что не в том месте находится. Нет, уверяю тебя, она точно такая же и все у нее на тех же местах, как у всех баб твоей деревни.

– Да нет же, она такая... необыкновенная!..

Это «необыкновенная» сказано было таким откровенным тоном, что у Николая не осталось сомнений, и он спросил:

– Ну вот, час от часу не легче, уж не влюбился ли ты?

Антон засмутился и сказал:

– Ты что, разве это можно?

Николай и раньше предполагал, что в этом мире существует своего рода сегрегация, только людей делят не по расам, а, видимо, по сословиям. И вот сейчас представилась возможность выяснить, насколько это разделение непреодолимо.

– А почему же нельзя, сам Бог создал так природу, чтобы мужчины и женщины влюблялись и размножались.

– Да, но он создал разных мужчин и женщин, она же из начальства, и бог запрещает нам любить их женщин. Таков закон.

Это глупый закон, как можно запретить любить? Сердцу не прикажешь. Я по тебе вижу, что эта учительница тебе нравится. Она молодая? Красивая?

Антон еще больше смутился, но замолчал и перестал отвечать, непривычны ему были такие разговоры, еще никогда не приходилось их вести. Но видно было, что вопрос этот ему

далеко не безразличен. И, возможно, в своих сокровенных и тайных мыслях он иногда задумывался о таком несправедливом законе. Ведь любовь, если она большая, сильнее всех законов.

Николай решил не отступать и продолжил:

– Чего замолчал-то? Сколько лет учительнице?

Антон посмотрел на него, сообразил что-то и, наверно, чтобы предположение Николая стало выглядеть нелепым, решил сыграть на возрасте учительницы, он сказал:

– Да она еще совсем молодень... – не договорил и заменил слово на еще более подходящее, – ...маленькая. Этой зимой в школе занятий не было, а в прошлом году, когда я первый раз ее увидел, ей было всего 16 лет.

Николай раскусил эту довольно бесхитростную уловку, но подумал про себя: «Чего привязался, ну не хочет парень открывать душу перед первым встречным, и правильно делает». И он сделал вид, что удовлетворился этим объяснением.

В это время они подлетали к какому-то населенному пункту, расположенному посреди леса.

– Смотри, Антон, это не наша ли уже точка?

Антон, искоса глянув в окно, с ходу определил, где они летят, и не без удовольствия подколол приставалу Николая.

– Ну ты даешь, не узнал своего родного очага, это же ваша староверческая деревня. Ведь ты же отсюда пришел? Больше в ближайшей округе ваших нет. Слышал, что подальше в этом лесу есть несколько поселений, да на границе республики, около города Северного, еще есть один ваш поселок. Но то ведь за почти тысячу километров, не может же быть, что ты пришел пешком оттуда. Посмотри внимательней! Узнаешь?

Николаю ничего не оставалось делать, как узнать «родной очаг».

– Да, да, теперь узнаю, сверху он очень непривычно выглядит.

Он прильнул к окошку и с интересом стал рассматривать это поселение.

– Если хочешь, можем сесть ненадолго, повидеаешься со своими, – предложил Антон.

– В другой раз, в другой раз, я же там переругался со всеми, – поспешил отказаться Николай. – И потом мы же с тобой спешим. Когда же мы долетим до Нашего?

– Да мы же летим-то всего десять или пятнадцать минут, а до города от нашей деревни пятьсот километров. Но мы может и ускориться. Для этого снимемся с автомата, – и Антон повторно нажал кнопку с надписью «Наш», – и теперь можем прибавлять скорость тумблером.

Он передвинул тумблер, и скорость сразу начала быстро увеличиваться, а вокруг машины стало образовываться искрящееся голубоватое облако.

Странное впечатление создавалось у Николая от этого сверхскоростного перемещения в пространстве. С одной стороны, грубо сработанная металлическая кабина, прямо как у ЗИСа пятидесятых годов, на котором он когда-то начинал шоферить. Явно проектировщики совсем не утруждали себя мыслью о дизайне – наперед знали, что тем, кому предстоит на них летать, не до эстетики. И в то же время гениальность инженерной мысли создателей угадывалась в мерно, без сбоев, негромко, словно в репродукторе, шуршащем сердце – моторе, а также управляющем мозге, полностью исключившем человеческий фактор, так изруганный и обвиненный во всех грехах у нас на Земле. И все это невидимо, а запрятано где-то внутри этой грубятины, и не нужно ни открывать капот, чтобы залить или заменить масло, ни влезать в электронику, чтобы поменять перегоревший конденсатор.

Внезапно лес закончился. Антон, чтобы не проскочить город, быстро перевел тумблер, и машина снизила скорость до минимально возможной. Город представлял собой правильный квадрат, по площади примерно равный московскому. Обращала внимание и удивляла планировка улиц. Сверху представлялось: как будто кто-то на листе бумаги разлиновал улицы вдоль и поперек, и они получились идеально ровными, перпендикулярно пересекающимися, очень широкими, видно было, что места не жалели и не экономили: никаких закоулков, переулков

или тупиков. Все улицы выходили на квадратный периметр, по которому проходила еще более широкая дорога, если можно так ее назвать, – кольцевая, вернее, выполняющая ее роль. Дома были двух- или трехэтажные.

Николай подумал: «Сколько же в таком городе населения, надо у Антона спросить. Интересно, знает ли он. Вполне допустимо, что не знает!» Он спросил:

– Антон, сколько людей живет в таком городе?

– Кажется, целый миллион.

– А в нашей республике сколько?

– Точно не помню, наверно, миллионов сто пятьдесят, а может и двести.

– А вообще на всей планете?

– Этого я не знаю.

Тут получился удобный момент задать вопрос, который Николай давно хотел задать еще Авдею и другим, и Антону, но осторожничал, боясь выдать свою подозрительную неосведомленность. Выглядело бы очень странным, что он не знал названия планеты, на которой живет.

– Ну вот, опять не знаю, тебе не стыдно? – с показным упреком обратился он к Антону. – Ты хоть знаешь название планеты, на которой мы живем?

– А как же, это-то я знаю.

– Ну и как она называется?

– Ялмез.

– А, правильно, – со знающим видом подтвердил Николай, а про себя подумал: «Какое-то несуразное, незвучное название, то ли дело Марс, Сатурн, выходит, люди, здесь живущие, – ялмезанцы».

Они уже летели над центром города.

– А где же мы будем приземляться? – спросил Николай.

– Склад за городом, там и посадочная площадка. Садись на мое место, ты уже присмотрелся и сам сможешь посадить.

Николай уже уверился в непогрешимости машины и без боязни сел за руль-штурвал. Он немного подал штурвал от себя, и машина снизилась.

– Погоди снижаться, когда пролетим город, увидишь место для посадки, вот тогда и снижайся.

Уже на окраине города, вдаль, показался аэродром – несколько длинных посадочных полос. Машина была направлена на крайнюю из них, и не нужно было разворачиваться, чтобы зайти на посадку. Наверно, такое точное направление само выправилось, когда она шла на автомате.

– Вот теперь потихоньку снижайся, – подсказал Антон.

– А шасси как выпускать и когда?

– Какое шасси? – удивился Антон незнакомому слову.

– Ну, колеса.

– А-а... это не твоя забота, они сами выпускаются. Когда машина будет уже в трех-четырех метрах от земли, она это почувствует и сама выпустит колеса, а как только они коснутся земли, начнут убираться крылья и руль начнет работать как у машины на земле. Ты, главное, старайся плавнее коснуться полосы. Все это можно делать и в автоматическом режиме, но я хочу, чтобы ты быстрее освоился.

Плавню Николаю посадить машину не удалось. Она, коснувшись дорожки, все же разок подпрыгнула, но быстро выправилась и побежала, замедляя ход. Николая с Антоном при ударе колес о землю тоже подбросило. Антон слегка поморщился, и Николай, ожидая негативной оценки такой посадки, спросил:

– Ну и как?

– Да ладно, это не страшно, для первого раза вполне сносно. Привыкнешь. Надо еще осторожней и плавнее в самый последний момент штурвал подавать.

Машина уже снизила скорость километров до десяти. Антон ткнул пальцем в панель.

– Тумблером, тумблером, не забывай, он же зафиксирован у нас на нейтралке, а то сейчас совсем остановимся, прибавляй тумблером. Видишь в конце полосы съезд на дорогу – и по ней давай к складу. Николай съехал с полосы и по дороге поехал в обратную сторону. Склад находился километрах в десяти от аэродрома, прямо на краю города. Дорога хорошая, прямая, и минут через десять они были на месте.

Склад представлял собой длинное (метров двести) одноэтажное строение из серого кирпича. Вся площадь вокруг была асфальтирована таким же идеально ровным, шершавым пластиком, как на аэродроме и вообще на всех дорогах. В одном углу площади находился навес, под которым стояли три электропогрузчика. По одной боковой стороне склада на равном расстоянии располагались трое ворот. Ворота были и с одного его торца, где уже находился точно такой же агрегат, как оказалось, тоже в ожидании разгрузки. Около него стояли двое мужчин и о чем-то разговаривали. Николай подъехал и остановился рядом с первым агрегатом. Все ворота были закрыты.

Антон сокрушенно смотрел на закрытые ворота... двух мужчин... поджав губы, качал головой и не спешил вылезать.

– Да-а-а, – задумчиво протянул он, потом, посмотрев на Николая, вспомнил его половицу и огорченно сказал: «Начинаются твои овраги».

– А что такое? – удивился Николай.

– Наверно, грузчики и приемщик уехали обедать.

– А кто эти двое?

– Один, как и мы, привез груз, а другой – местный механизатор, работает на погрузчике.

– А чего мы сидим, пойдем, поторопим и сами поможем разгружать, – предложил выход Николай.

– Бесплезно, приемщика-то все равно нет, а только он знает, чего и сколько разгружать. У него разрядка.

– А ты что сам не знаешь, у тебя документ на груз есть?

– Какой документ, зачем это? Моему деду заказали, сколько и чего надо загрузить. Наше с тобой дело объехать три точки. А кому сколько брать, они сами знают, у них уже все согласовано. Они с минуту помолчали, потом Антон со вздохом сказал:

– Нам же с тобой еще сегодня зарплату получить надо... Ну ладно... пойдем к ним, узнаем, давно ли они ждут, заодно и познакомимся.

Перевозчика первой машины звали Лихон. Он был из хозяйства, расположенного на востоке, в семистах километрах отсюда, недалеко от города Озерного. Лихон привез живую рыбу и водоплавающую птицу. У него тоже это была не последняя точка.

Второго звали Рэй. Кроме работы на погрузчике сейчас он был за сторожа. Сторожили склад поочередно, сутками, и в охране принимал участие весь штат склада: и Рэй, и приемщик, и трое грузчиков.

Одежда Рэя отличалась от стандартной одежды Лихона, Антона, Николая и всех деревенских мужиков: на нем была ярко-красная ветровка с синими рукавами, невысокая шляпа и кожаные ремешковые сандалии. Цвет кожи у Рэя был темный, но не как у негра, а посветлее. Николай подумал, что он мулат, значит, здесь должны быть и негры, при случае надо бы узнать у Антона.

У торцевых ворот склада была небольшая конторка с телефоном, и они зашли туда позвонить приемщику. Все работники склада жили рядом на ближайших улицах города. Рэй, поговорив по телефону, сообщил, что они будут через час.

– Ну тогда мы с Нико съездим в город, нам надо заехать в центральную контору, а потом в банк, колхозную зарплату получить, – сказал Антон, обращаясь к Рэю.

– Конечно, поезжайте, раз дела, чего вам тут торчать, даже если опоздаете, мы и без вас разгрузим.

Рэй включил телевизор, потом достал из стола игровую доску, напоминающую наши нарды, и предложил Лихону:

– Ну как, в кости сгоняем?

Лихон с удовольствием согласился, и они уселись играть. Выйдя на улицу, Антон, оглядев Николая, сказал:

– Пойдем, я переоденусь, тебя тоже переодеть надо, ты деньги взял с собой?

– Да взял, весь аванс, твой дед сказал: «Пригодится в городе».

– Дай мне три или, лучше, четыре рубля. Подберем тебе что-нибудь, потом пообедаем и поедем за деньгами.

– А зачем переодеваться? – удивился Николай.

– Так лучше. Городские нас не уважают. Стараются унижить, задираются. Короче, о себе много понимают, а мы у них деревенщина. Да они и между собой-то не ладят. Часто дерутся. Улица на улицу, район на район. В общем, ты с ними поосторожней, если что – лучше уступить.

Они подошли к машине. Антон влез в кабину, открыл встроенный в нее сзади шкафчик, достал другую куртку, кожаные полуботинки и начал переодеваться. Николай тоже полез в кабину. Он достал из кармана кошель и протянул Антону:

– На, возьми, сколько нужно.

– Сейчас, вот переобуюсь, – ответил Антон, зашнуровывая ботинки. – Кстати, у тебя какой размер обуви?

– Сорок первый, – ляпнул Николай и тут же опомнился. – Вообще-то я не знаю.

– Ну как не знаешь, вот примерь-ка мои кроссовки.

Кроссовки Антона оказались великоваты. Антон посмотрел и сказал: «Куплю тебе на размер поменьше – девятый как раз будет». Он убрал в шкаф снятую куртку и кроссовки, взял кошель, отсчитал четыре рубля, а кошель положил в шкаф на полку.

– Деньги пусть тут лежат, чего их с собой таскать.

Потом он достал из шкафа вместительный саквояж и объяснил:

– Это для денег, нам с тобой тысяч пятнадцать получать, и твою одежду заодно сюда уберем.

Мимо склада проходила дорога, по которой они приехали от аэропорта, дальше она же вела к городу. От аэропорта в город ходил автобус, около склада была его остановка, но он ходил очень редко, а до города было всего около километра, и они пошли пешком.

6

Подойдя к городу, Антон остановил Николая:

– Я помню, где-то тут, на первой же улице, был небольшой захолустный магазинчик с одеждой, я и сам в нем все покупал. А ты побудь здесь, вон там, за теми кустами, по-моему, скамейка стояла.

Антон вернулся минут через пятнадцать. Он поставил на скамейку саквояж и достал из него серенькую ветровку, по бокам и по рукавам украшенную темно-желтыми продольными вставками, коричневые полуботинки и кожаную кепку с пуговицей посередине (сейчас у нас сказали бы «лужковку»).

– За все отдал три рубля двадцать копеек, – довольный сообщил он и добавил: – Давай примеряй.

Николай переоделся, и все ему оказалось впору. Антон оценивающе осмотрел его и отметил: «Как раз то, что надо, и самое главное – неброско». Они убрали старую одежду в саквояж и отправились в город.

Своеобразный это был город, город-миллионник, если верить Антону. Ровные широченные улицы, по которым изредка пробегали машины, в основном грузовые и еще реже легковые – такси. Зато были разнообразные мопеды, легкие, как велосипеды, и покрупнее, как мотоциклы, а иногда и с коляской. Все это электро, и поэтому стояла тишина.

По тротуарам шли редкие пешеходы. Николай подумал, что для миллионника маловато народу на улицах, но потом сообразил, что, наверно, это нормально, ведь площадь города очень большая, а никаких высоток не было. Трехэтажные одинаковые длинные (каждый метров семьдесят) жилые дома с несколькими проходными подъездами, с обширными зелеными дворами и детскими площадками. Двухэтажных домов намного меньше. Это были одноподъездные коробки, и в них располагались офисы различных учреждений, дворы которых были огорожены заборами, и там находились одноэтажные производственные помещения. Разные мелкие мастерские, небольшие склады; Антон сказал, что где-то на другом конце города был и один крупный завод.

Да, странный это был город. Мы знаем из истории образования больших городов у нас на Земле, что почти все они зарождались без какой-либо системы. Начинались с небольшого поселения и постепенно, в течение веков, под влиянием определенных факторов, стихийно, без всякого планирования разрастались. Поэтому, когда население их достигало большой численности, а индустрия развивалась, жить в них становилось не очень комфортно. Города перестраивались, но архитектурные творения разных эпох старались сохранить, народы делали это, чтобы не утратить память о культуре предков и сохранить свою индивидуальность.

Здесь же все было построено как бы заново по стандарту. На вопрос о том, сколько лет городу, Антон ответил, что уже больше двух тысяч. Таким же стандартным оказался и город Центральный, куда они попали ближе к вечеру, да и все остальные города ялмезанцев.

Банк и контора находились где-то в центре, и туда ходил автобус, Антон собирался там же зайти в закусочную и пообедать. Они прошли уже два квартала и подходили к остановке, когда Николай заметил на противоположной стороне улицы застекленную витрину какого-то пищеблока, где видны были столы, за которыми сидели люди.

– Антон, вон столовая, пойдем здесь пообедаем, автобуса все равно пока нет, – задержав шаг, предложил Николай.

Антон тоже остановился, посмотрел и сказал:

– Да вижу я, но это не столовая, а кафе.

– А что тут дороже? – поинтересовался Николай.

– Нет, цены везде почти одинаковы, – сказал Антон, но продолжал с сомнением стоять.

– Ну тогда пойдем поедим, ты что еще не проголодался? – видя его нерешительность, спросил Николай.

– Да нет, просто не нравятся мне эти окраины.

– А какая разница, пошли, – потянул его за рукав Николай.

– Ну ладно, пойдем, – наконец с неохотой согласился Антон.

Дом, в котором было кафе, стоял в конце квартала, и вход в него был за углом, не со стороны витрины, а уже на другой, пересекающей эту, улице. Когда они стали переходить улицу, на месте, где они стояли, остановилось такси, из него вышли два человека, к ним подошли еще двое, они поздоровались и стали разговаривать. Это такси минут через пятнадцать сыграет важную роль для наших героев. Поэтому пока просто запомним, что оно подъехало и остановилось почти напротив окон кафе.

В кафе находилось человек двадцать. Тем, кто пришел посидеть и отдохнуть, можно было занять столик и сделать заказ официанту. Но было и окошко самообслуживания для тех, кто

пришел, как и наши спешившие любители футбола, просто пообедать. Было несколько свободных столиков, и наши «футболисты» облюбовали тот, что стоял ближе к раздаточному окошку, Николай сел на стул, а Антон, взяв поднос, встал в очередь (она была небольшая: всего четыре человека).

За столом у окна веселилась компания. В деревне Николай ни разу не видел выпивших людей, он даже думал, что на Ялмезе вообще не пьют и не бывает спиртного. Но нет, у тех на столе стояло два графина с каким-то напитком, причем один был уже почти пустой, и заметно было, что они навеселе. Они, размахивая руками, громко разговаривали и смеялись.

В кафе вошли новые посетители, оказавшиеся знакомыми сидевшей у окна компании. Последовали приветственные возгласы и объятия. А один из них после приветствий, опускаясь снова на стул, промахнулся и плюхнулся на пол, при этом больно ударившись затылком о ножку стола, чем развеселил приятелей.

Уже подходил Антон с подносом, когда к Николаю обратился один из вновь пришедших с предложением пересесть за другой столик, чтобы передвинуть этот к знакомым. Помня предупреждение Антона с городскими не связываться и лучше уступить, Николай согласился и, взяв со стула Антона саквояж, встал. И когда Антон, подойдя, уже готовился поставить поднос на стол, его, как говорится, прямо из-под носа вытащили. Лицо Антона от такой внезапной дерзости машинально стало злым, но он вспомнил, о чем сам предупреждал Николая, и его лицо стало удивленным и растерянным. Он держал поднос, не зная, как поступить. Это показалось Николаю настолько забавным, что он невольно рассмеялся.

Между тем тот подвыпивший парень, опираясь локтем на стул, все никак не мог встать. Один из друзей его, посочувствовав, подал руку и помог подняться. Досадуя на осмеянную приятелями свою неловкость, он огляделся и встретился взглядом с продолжавшим нехотая улыбаться незнакомцем, а тут еще не утихающие от удара при падении болевые ощущения в затылке. «Тебе весело», – нашел он на ком выместить внезапно накотившую злость и направился к Николаю.

Но Николай, все еще улыбаясь, попытался объяснить, что смех относится не к нему, но то, что парень принял смех на свой счет, в глазах Николая добавило ситуации комичности, поэтому он, иногда такое бывает со всеми, не мог остановить смех, а, наоборот, растянул рот еще шире.

– Ах, ты! – уже с яростью прохрипел парень незнакомым словом и бросился на Николая.

– Судя по ситуации, наверно, сука, – успел перевести себе продолжавший постигать тонкости языка Николай, но все равно никак не мог перестать улыбаться. Он правой рукой перехватил за кисть пущенный в него кулак, а в левой все еще держал саквояж.

Силы, конечно, были не равны, для Николая это было все равно что удерживать руку пятилетнего ребенка, но, не желая обострять, он просто держал руку и ждал, когда тот остынет и успокоится. Но парень, пытаясь освободить руку, никак не мог понять, что происходит, его рука как бы была зажата в тисках, с целую минуту он дергался, пытаясь освободиться, это злило его еще больше. И в момент, когда Николай отвел взгляд на продолжающего стоять с подносом Антона, он ногой ударил Николая между ног и, на свое несчастье, удачно попал.

От резкой боли Николай на мгновение утерял контроль над собой, забыв, что обладает очень большой, несоизмеримой силой, он еще сильнее сжал его руку, дернул ее на перелом вниз и с силой оттолкнул его от себя прямо на стол с посудой. Раздался хруст кости и вопль парня, стол с закуской опрокинулся. Дело принимало серьезный оборот.

Когда-то, молодым человеком, Николаю часто приходилось бывать в разных передрягах, он был далеко не примерного поведения. Но сам никогда не был зачинщиком ссор и драк, наоборот, всячески старался их предотвратить, но уж если приходилось драться, действовал смело и решительно. Сейчас он еще надеялся, что обойдется без драки, но, похоже, напрасно.

На него наступали сразу несколько человек из этой, всего минуту назад довольной, беззаботно веселящейся компании – и поди докажи теперь, что не он начал.

Они обступили этого незнакомого наглеца, так внезапно оборвавшего их приятное времяпрепровождение, с ясными намерениями. А он, этот странный незнакомец, вместо того, чтобы струсить и попытаться убежать или хотя бы попросить прощения, спокойно стоит, подняв руку, и назидательно пытается что-то вякать, вроде того, что, мол, сами виноваты.

И началось. Первый удар он просто отбил этой поднятой рукой. Нападавший вскрикнул: «Уй, уй!» – от боли схватился за руку и согнулся. Увидев это и посочувствовав, Николай подумал, что ему с ними надо как-то понежнее, и вообще перестал отбиваться и решил использовать только уклоны и нырки. Благо что-то осталось в памяти от прежних занятий боксом.

Читатели, наверно, видели в американских ужастиках, с какой мгновенной скоростью перемещаются вампиры. Нечто подобное начало происходить и здесь.

Николая окружили несколько человек и, приняв боксерскую стойку, молотили кулаками по воздуху, потому что никак не могли попасть. Эта карусель с маханием рук происходила таким образом: Николай, опустив саквояж на пол, стоит в середине этой кучи, в него прицеливаются и бьют, кулак летит, а он в последний момент переместился и уже находится за спиной у бьющего, а кулак бьет воздух, а иногда и подвернувшегося партнера.

Николай имел своеобразную особенность поведения в минуты опасности: если другие обычно начинали лихорадочно перебирать в голове варианты выхода из ситуации, то он... только не подумайте, что он был безумно храбр, он тоже переживал и даже мог иногда струсить, но у него в голове всегда отыскивались веселые стороны ситуации. Вот и сейчас он глядел как бы со стороны на молотивших воздух, а моментами и друг друга, уже запыхавшихся ялмезанских граждан, а в его голове мелькали обрывки мыслей: «Сколько же это будет продолжаться? – и уже минуты три прошло... как раз раунд, устали люди, вот бы сейчас гонг раздался, может, все бы и закончилось мирно». Но гонга не было, и он продолжал мыслить: «Как бы это закончить?... Убежать, что ли?... Был бы я один, а то еще и Антон... до сих пор стоит с подносом, как истукан».

Но ялмезанским гражданам самим все начинало надоедать, двое из них немного отступили от места боевых действий; коротко посоветовались, достали ножи и незаметно передислоцировались на противоположные фланги. Эти их тактические маневры произошли вне поля зрения основной ударной силы противника, продолжавшей изматывающие действия.

Но стратегия в итоге всегда берет верх над тактикой, и запасной резерв, сидевший в засаде в лице Антона (на стоявшего с подносом, немного в стороне, человека мало обращали внимания) заметил и разгадал коварные замыслы.

В этот критический момент сражения вдруг опять загремела посуда, это Антон, наконец, пожертвовав обедом, выплеснул его с подноса, прямо на бросившегося на Николая сзади с ножом заговорщика.

Тот, остолебнев от неожиданности, выронил нож и развел руки, осматривая себя, облепленного супом и подливой. Выглядел он до того нелепо, что на мгновение все остановились, наступила пауза, почти как в «Ревизоре».

Но второй заговорщик, Гоголя явно не читавший, быстро сделал три роковых шага и сзади ножом нанес удар Николаю в правый бок.

7

Три роковых шага – надеюсь, читатель понял, что роковыми они стали не для Николая. Он, благодаря привнесенным в его тело уникальным способностям, едва только нож коснулся кожи и начал входить в тело, почувствовав боль, мгновенно среагировал, резко отскочил и одновременно, на отскоке, с разворотом вправо, локтем нанес смертельный удар в скулу. Тот

упал, а на Николая снова бросились несколько человек. В запале, начисто забыв про осторожность, он перестал уклоняться и начал просто наносить удары по нападавшим. Несколько человек, как подкошенные, попадали замертво на пол.

Этот всплеск активности Николая длился всего несколько секунд, во время него еще и Антон, подняв выпавший у облитого подливой нож, бросился на помощь Николаю и вонзил его одному из нападавших в грудь.

После этого мгновенного всплеска драка внезапно прекратилась. Николай, Антон и оставшиеся на ногах трое из компании, остановившись, осматривали поле боя. Около восьми или семи человек валялись на полу, и непонятно было: они просто в отключке?.. или с ними дело еще хуже... но некоторые из них еще шевелились. Угнетающее это было зрелище, особенно ужасающе смотрелся лежащий в середине в луже крови с ножом в груди парень.

– Надо уходить, – произнес сквозь зубы очень тихо Николай. Он поднял саквояж и направился к выходу, поравнявшись с Антоном, негромко сказал: «Спокойно, без суеты выходим». Но Антон стоял на месте, он, находясь в каком-то ступоре, никак не мог отвести взгляда от лежащего с ножом в груди парня. Обернувшись, Николай вернулся, взял Антона за руку и вытащил на улицу. Он, выглянув из-за угла, сообразил: чтобы лишний раз не светиться перед посетителями кафе, бежать в эту сторону под окнами не стоило.

Как раз в это время закончившие беседу пассажиры того такси (очевидно, договорились), все четверо, усаживались в него. Оно тронулось и, быстро набирая скорость, проехало мимо окон кафе. Это такси в дальнейшем запутает расследование происшествия, что окажется на руку нашим героям. Николай предложил Антону разделиться, он велел тому снять куртку и быстро идти к складу. «Я догоню», – сказал он, взял куртку Антона, зашел в подъезд жилого дома, переоделся в свою старую «эковскую» одежду, убрал все лишнее в саквояж и спокойно пошел за ним, причем по другой стороне улицы. Антон, в одной футболке с коротким рукавом, маячил далеко впереди. На них никто не обращал внимание. «Ну, слава Богу, вроде все обошлось удачно, не хватало еще здесь попасть в тюрьму, – подумалось ему, – какие-то органы правопорядка здесь наверняка есть». Он вспомнил, что еще Авдей в первый день рассказывал о категории военных, призванных следить за порядком в городе. Очевидно это и есть местная полиция. Интересно, как оперативно они сработают, наверное, их уже вызвали на место происшествия.

На дороге за кольцевой людей уже совсем не было, но Николай на всякий случай специально догнал Антона только перед самым складом. Они подошли к машине, и как только Антон влез в кабину, из сторожки по малой нужде выскочил Рэй. Увидев их, он удивился и крикнул:

– Вы что еще не ушли?

– Да нет, пока думаем, стоит ли, – ответил Николай, а про себя сообразил, что вот оно готовое алиби.

– А тогда чего вы здесь сидите, давайте к нам, сейчас по телевизору будут говорить про какой-то случай в городе.

– А что случилось? – спросил Николай.

– Пока не знаю, сказали какая-то бандитская разборка, вроде кого-то зарезали, туда выехало телевидение, скоро покажут, идите к нам, вместе посмотрим.

– У нас свой телевизор, мы сейчас включим.

Николай тоже влез в кабину, Антон слышал разговор, он сидел в углу с отрешенным видом и еще никак не мог окончательно прийти в себя. «Он же был жив, я видел, что он пошевелился и открыл глаза», – с каким-то надрывом и надеждой, как бы желая подтверждения, обратился он к Николаю.

Николай понимал состояние молодого человека; сам он, еще служа в армии, перед самым дембелем, в пятьдесят шестом году, был направлен в Венгрию, полгода прослужил там и насмотрелся смертей.

Был там у них один солдат, отчаянный парень, ни разу не струсивший в сложных, опасных ситуациях. Но вот однажды пришлось их отделению выдвинуться в секрет на предполагаемом передвижении антисоветчиков. Было это на каком-то хуторе. Просидев полдня в засаде, выпросили у хозяина курицу и поручили парню сварить суп. Так он никак не смог решиться (даже после обидных насмешек) отрубить ей голову. А когда через несколько дней в рукопашном бою, чтобы спасти командира (в того в упор стреляли), ему пришлось заколоть стрелявшего штыком, так его вырвало, и он дня три приходил в себя. Похоже, такая же тонкая, ранимая натура была и у Антона.

Николай решил, чтобы его встряхнуть, надо бы постараться его разговорить.

– Они сами первые начали, мы с тобой защищались, ведь нас могли и убить, ты же видел: меня ножом в бок пырнули. Хорошо хоть ты спас.

Он начал снимать куртку и попросил Антона:

– Посмотри, что у меня там, по-моему, вскользь попали, только саднит немного.

– Ранка есть небольшая, а кровь запеклась, сейчас я спиртом промою, – констатировал Антон и полез за аптечкой.

Николай в это время включил телевизор и сказал:

– Надо посмотреть, что в этом кафе потом было, не ищут ли нас?

Но там шла какая-то другая передача, похоже, «Уроки жизни».

– Это будет по городскому каналу, – сказал Антон и переключил телевизор.

Он обработал ранку спиртом и йодом и заклеил пластырем.

Началась передача. Показали улицу, на которой было кафе. Там стоял полицейский микроавтобус, и уже отъезжали две санитарные машины, а у подъезда находился еще один микроавтобус без опознавательных знаков, как оказалось, это была труповозка.

Корреспондент брал интервью у какого-то старшего полицейского. На вопрос, есть ли жертвы, он ответил, что четверых раненых только что увезли в больницу. Один был ранен ножом, у другого сломана рука, но их жизнь вне опасности, а вот еще двое находятся в глубокой коме, и неизвестно, выживут ли. Есть и трое убитых, неизвестно каким оружием, но у двоих проломлена грудь и ребрами повреждены все внутренние органы, включая сердце. А у одного убитого сбоку треснут череп и сломан шейный позвонок.

Еще старший полицейский чин сказал, что сейчас следователи опрашивают свидетелей, и разрешил телевизионщикам пройти в кафе и послушать.

При входе в кафе камера выхватила угол между окном и стеной, где лежали уже зачехленные темным пластиком три тела погибших. Санитары начали их выносить.

Опрос свидетелей уже заканчивался, и один из освободившихся следователей согласился ответить на вопросы.

Он сказал, что картина преступления очень расплывчата: все свидетели путаются в показаниях. Никто не смог определенно сказать, каким оружием нанесены были эти ужасные повреждения на телах убитых и раненых; все говорили, что там получилась общая куча, все происходило на небольшом пяточке и закончилось очень быстро. Не смогли даже выяснить, сколько было нападавших, одни говорили, что их было трое, другие – четверо, а некоторые выдели аж пятерых бандитов, они сели в поджидавшее их на улице такси, которое скрылось в сторону центра города.

Николаю стало ясно: никто из посетителей кафе их не запомнил, так что можно было, не опасаясь, снова ехать в город, и он выключил телевизор.

Антон тоже повеселел, ведь его «крестник» оказался только ранен, и, как сказали, его жизнь вне опасности. Но все равно что-то его смущало, оказаться причастным к этому громкому происшествию, которое показали всему городу, было неприятно, и потом, эти необъяснимые повреждения на телах. Он, задумчиво глядя на Николая, как бы самому себе негромко проговорил:

– А почему же оказались такие жертвы? – И еще тише добавил: – Это ты их?

Николай соображал, как бы ему объясниться правдоподобнее, и решил, что здесь уместнее всего полуправда.

– Может, после нас там еще что-нибудь произошло... – начал он, но увидев, что Антон, слушая, недоверчиво покачивал головой, мысленно остановил себя: чего я выкручиваюсь? И продолжил: – А может, и я в горячке не рассчитал силу.

– Это ж какая сила должна быть, чтобы так изуродовать людей.

– Какая, какая, такая, какая есть, – решил слегка напереть и умерить его любопытство Николай. – Ты же знаешь, что я сильнее тебя, видел же, как я таскал туши. К тому же наши старовечерские приемы драки, которые у нас секретно передаются по наследству... И вообще, чего ты пристал, будь доволен, что все обошлось. Нам же деньги-то так и так получать нужно, а ты сидишь, мечтаешь, давно бы переделся в нашу деревенскую одежду, теперь в ней поедем.

– Деньги можно получить и на обратном пути.

– Один великий человек сказал: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

– Это кто же так сказал?

– Неважно, все равно ты его не знаешь, он давно умер, но мужик был очень умный. Короче, давай переодевайся и скажи вот что: этот автобус, что проходит мимо склада, он куда дальше идет?

– В центр, почти до нашей конторы, я раньше иногда ездил на нем, только он редко ходит и у него неудобный длинный маршрут: он идет сначала по кольцевой и только потом поворачивает в город.

– Это как раз хорошо, минуем наше злополучное кафе. А как бы узнать, когда он пойдет?

– Я не помню, но могу узнать, здесь у них в конторке есть расписание.

– Ну переодеешься и сходи узнай; да, и еще, у нас есть для денег что-нибудь, кроме этого, теперь приметного, саквояжа?

Антон достал из шкафчика что-то типа вещмешка и синюю сумку на молнии.

– Во, это как раз подойдет, у сумки даже ремешок есть, можно на плечо повесить, только все это уже больно запылилось. Ну ладно, ты переодевайся, все почисти и хорошо вытряхни, а я сам схожу узнаю расписание.

Оказалось, что у этого маршрута как раз заканчивался полуторачасовой перерыв и потом они ходили каждые полчаса.

– Все-таки надумали ехать? – поинтересовался Рэй.

– Да, решили съездить, а то придется еще на обратном пути заезжать.

Ждать автобуса почти не пришлось. И уже через полчаса они свернули с кольцевой в город. Чем ближе к центру, тем на улицах становилось больше народу. Здесь, в центре, появилась и полиция. Полиции было много, они группами по двое, трое, а иногда и четверо прохаживались по улицам, заглядывали во дворы, на детские площадки, в кафе, стриптиз-бары (были и такие), в кинотеатры. У каждого полицейского в руках были дубинки, оказавшиеся еще и электрошокерами.

Антон объяснил, что в центре жило начальство, поэтому поддерживалась строгая дисциплина. Но архитектура была такая же одинаково однообразная, как и на окраинах.

На нужной остановке они вышли, и пока наши герои будут добираться до конторы, чтобы оформить Николая как нового перевозчика, воспользуемся этим и сделаем небольшое отступление от нашей хроники.

Так вот, в этой однообразной архитектуре все же было и внешне невидимое отличие в расположении квартир. Мы уже знаем, что все жилые дома были трехэтажные, и если в домах простых людей подъезды были тоже трехэтажные и на каждой лестничной клетке было по две квартиры, то есть получалось на подъезд шесть квартир, каждая по четыре комнаты, иначе

говоря, в подъезде жило шесть семей... (Согласитесь, что тоже совсем неплохо.) То в домах, где жило начальство, внешне такой же проходной подъезд (они все были проходными) вообще не имел этажей и лестниц. У него на первом же этаже на обе стороны располагались две входные двери в квартиры. То есть в подъезде жили всего две семьи. А вот уже сами квартиры были трехэтажные и состояли из двенадцати комнат. Еще одна дверь выходила прямо во дворики этих домов.

У этой социальной группы, именуемой в обиходе «начальство», было много отличий и преимуществ по сравнению с простым народом. В окрестностях города у них имелись благоустроенные дачные поселения, где некоторые семьи по желанию проводили весь год или большую его часть. Дети «начальства» обучались в отдельных школах и получали хорошее образование и дальше могли учиться в высших учебных заведениях, они становились учеными, инженерами, врачами, адвокатами, судьями, владельцами всех развлекательных заведений. Вся жизнь на Ялмезе обустроивалась и шла под руководством этих «интеллигентов».

Жилье на планете всем: и простым людям, и начальству – предоставлялось бесплатно (исключая дачи) – такой как бы фрагмент из советской жизни. За все остальное (питание, всякие предметы обихода и роскоши) нужно было платить, и начальство, в зависимости от результатов труда, получало зарплату. Начальству можно было и не работать на государство, а если была к этому склонность, иметь свое дело. Они жили хорошо, не очень богато, но сытно, казалось бы, живи в свое удовольствие, но далеко не всех устраивала эта жизнь, а поменять в ней что-либо они не имели права: тоже были подневольными людьми.

На Ялмезе была и еще одна, уже высшая социальная группа, это правители, она была сравнительно малочисленна, всего пятнадцать миллионов. Жили они отдельно, в хорошо охраняемых замках с просторными парками, эти замки и парки были такими, что и не снились нашим олигархам, хотя, возможно, если у олигархов было бы столько же свободного места, они бы в зависимости от своей фантазии и превзошли бы местных правителей. Кстати, о свободном месте, всего населения на планете было чуть больше миллиарда, из них миллионов двести были интеллигенты – начальство, а остальные – простые люди в городах и деревнях. Так что места свободного было достаточно.

Все это Николай узнавал постепенно, но автор, в интересах читателя, заранее опережая события, решил высветить эти и еще некоторые непривычные и от этого не совсем понятные для землян условия жизни и экономические законы, по которым вынуждены были жить ялмезанцы.

Местные законы экономики были как бы рыночными, но не по-настоящему рыночными, а, так сказать, игрушечно-рыночными, так как регулировались не рынком, а самими правителями, которые когда-то при настоящей рыночной экономике сами были талантливыми экономистами и финансистами и так искусно вели дело, что стали богатейшими людьми, и весь мир оказался в их руках. Вот тогда у них и появилась возможность сделать эту игрушечную экономику. Для этого правители создали банки, напечатали ограниченное количество бумажек, виноват, денег (ограниченное: чтобы не расслаблялись, а работали), а чтобы особо талантливые и одаренные люди сильно не забогатели, для них применяли некоторые административно-командные методы.

У самих правителей денег вообще не было, с некоторых пор они им были не нужны – у них была власть.

Медицина, наука, техника достигли таких высот, что изобретать было почти нечего, но однако же в лабораториях ялмезанцев все равно велись неспешные изыскания; в производстве, благодаря прочнейшим материалам и сплавам из металла и пластика, которые столетиями не изнашивались, было накоплено достаточно всевозможных машин, но тоже потихоньку шла работа. Например, один трактор или самолет разрешалось делать пять или даже десять лет;

вся эта работа в основном велась, чтобы не утерялась квалификация инженеров, техников и рабочих.

В медицине давно побеждены были все болезни, продолжительность жизни простых людей в деревнях достигала ста сорока, ста пятидесяти лет, в городах – до ста, причем, доживая до этих лет, организм не имел признаков старения, а сохранял многие функции молодости и, главное, мог, не уставая и не утомляясь, производить работу. Начальство, и особенно правители, доживали до четырехсот лет.

Нам на Земле в наше время бума изобретательства и открытий понять, что все это уже достигнуто, очень трудно, чтобы предсказать и представить такое развитие жизни, нужен гениальный полет мысли нового Нострадамуса, но его появление у нас пока не предвидится, поэтому доверимся очевидцу, увидевшему это воочию, везунчику Николаю.

Медики в течение двух с половиной тысяч лет проводили эксперимент по физическому усовершенствованию человека. В наше время на Земле такой эксперимент по моральным, духовным, этическим и другим принципам был бы невозможен. Но на Ялмезе прошел удачно и дал хороший результат. В основном он проводился на деревенском населении.

Когда-то количество населения на Ялмезе подходило аж к восьми миллиардам, но в результате рукотворного катаклизма (о сути которого пока умолчим) сократилось до нынешнего количества. В силу малого населения деревню удалось полностью изолировать и информационно (по телевидению шли только специально выверенные передачи), и во всех остальных отношениях: не было вредных привычек, еда, одежда только экологически чистая, никакой химии, и не слишком утомительный труд на свежем воздухе.

В нашей медицине, генетике, евгенике, хоть ученые у нас считают, что достигнуты большие успехи, но они находятся в зачаточном состоянии, в сравнении с состоянием этих наук на Ялмезе, даже две с половиной тысячи лет назад, когда начинался этот эксперимент. Фармацевтами был изобретен препарат на основе лекарственных трав плюс вытяжка из эмбрионов свиньи и некоторых морских животных. Он вводился в организм в виде пищевой добавки и, действуя на иммунную систему, на каждую молекулу организма, не давал этой молекуле сбиться с пути, предначертанного природой, заставляя функционировать в лад со всем организмом.

Экспериментом руководили евгеники. Ставилась задача как улучшения здоровья человека, так и (это уже просто из интереса – получится ли?) корректировки его антропологических данных. Как все «гениальное», для этого выбран был самый простой способ (кавычки в слове «гениальное» здесь только в моральном смысле и, если хотите, немного ироническом). Проводилась искусственная селекция жителей деревень. Для потомства оставляли исключительно здоровых во всех отношениях людей. Рост взрослых особей должен быть: мужчин – от 175 до 180 сантиметров, женщин – от 170 до 175, соответственно регулировался и вес. Недотягивающих до такого стандарта отсеивали и переводили жить в города.

Участвовали в эксперименте и сами правители, среди которых были не только финансисты, но и ученые, однако же не заблуждайся, читатель, он проводился отнюдь не в заботе о здоровье простого народа. Создавалась естественная кладовая для хранения здоровых органов с последующей пересадкой, для продления жизни правителей, ну и интеллигентов – начальства. Постепенно, с развитием науки, полностью орган перестали забирать, а, подобрав совместимый человеческий организм, иначе донора, брали из него стволовые клетки и выращивали нужный орган в искусственных условиях, так они оказывались более надежными и служили еще дольше.

К тому времени уже был открыт ген старения, а также метод воздействия на него. Правда правители применяли его только для себя.

Все, хватит, автор обещает больше не забегать вперед – теперь только последовательная хроника, как раз наши герои дошли до конторы и уже поднялись на ее крыльцо.

Открыв дверь (при этом сработал колокольчик), они очутились в просторной светлой комнате, где стояло три канцелярских стола, за которыми сидели двое мужчин и одна женщина. Это были обычные клерки из простых людей, но обученные простейшим операциям на компьютерах. У них на столах стояло по компьютеру, а один из них даже раскладывал на нем какой-то пасьянс. Другой, невысокий и упитанный, явно из рода отсеявшихся и отбракованных из деревни, с удовольствием осматривая с разных сторон многослойный бутерброд, с наслаждением его пережевывал. Женщина, как и положено в рабочее время, прихорашивалась, ей было несколько за пятьдесят, по здешним меркам, в самом соку.

Антон снял бейсболку и поздоровался, на что никто из них не обратил внимания. Лишь отбракованный на мгновение оторвал любовный взгляд от бутерброда и глянул как бы сквозь них, куда-то поверх Николая. Что-то знакомое почудилось в нем Николаю, он подумал: «Где-то я его уже видел», – но тут же понял, что этого не может быть. После приветствия, не увидев никакой ответной реакции, Антон, стоя в дверях, как-то бестолково и нерешительно переминался с ноги на ногу. Николай с интересом за всеми наблюдал. Наконец и первый мужчина отвел глаза от пасьянса и ненадолго перевел его на вошедших. Николай поразился, опять тот же знакомый взгляд, смотрящий вроде на тебя и в то же время как бы сквозь, как будто тебя он не увидел, тебя нет. Внезапно Николая осенило, он вспомнил этот взгляд, он встречал его сотни раз на Земле, когда заходил в какую-нибудь канцелярию с просьбой или за подписью. «Вот, – тут же подумал он, – это еще одно подтверждение моей теории, что во всей нашей Вселенной Творец один и что лепил он нас даже из одного теста, которое иногда где-то подкидало и оказывалось слегка подпорчено, откуда и нежелательные, не совсем качественные гены бюрократа. Но кто знает, может Создатель специально нас так задумал. Получается, что на всех планетах у нас живут одни и те же люди и никаких монстров, как врут и придумывают фантасты, не бывает», – заключил про себя Николай. «Здесь же все свои люди, и чего Антон стоит стесняется», – опять про себя усмехнулся он и, еще не придумав, что скажет, пошел к столу отбракованного.

– Здорово! С чем бутерброд-то? – подойдя, неожиданно даже для себя спросил Николай.

Тот, опешив от такой наглости, сначала растерялся и, опять любовно глянув на бутерброд, похоже, даже собрался объяснить его составляющую, но все же быстро пришел в себя и, сделав строгое лицо, спросил:

– Ты кто такой?

– Это Антон... – начал объяснять Николай, кто они такие.

– Его я знаю, – перебил отбракованный. – А ты кто?

– А я новый перевозчик из нашей деревни Большие Сосны.

– Вот так бы и сказал сразу. Ну что... деньги вам уже перечислены, можете идти получать. – И, обращаясь уже к женщине, прикрикнул: – Манька, хватит штукатуриться, займись делом, к тебе пришли, переоформи доверенность на нового перевозчика.

И потом, наверное, чтобы показать новому человеку, кто здесь есть кто, решил представиться. Он протянул руку Николаю и сказал: «Я Джек, старший оператор, подойди к ней, она все оформит, это по ее части». Николай пожал ему руку и пошел к Маньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.